



ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ЭДУАРД КАТЛАС

ЭК30

Экзо

Эдуард Катлас

Экзо

«Автор»

2008

Катлас Э.

Экзо / Э. Катлас — «Автор», 2008 — (Экзо)

ISBN 978-5-9922-0217-5

Жила-была Земля... Не-э-э, не так. Жили-были две мегакорпорации: «Нанотех логик» и «Экзотик биотехнолоджи». В меру конкурировали, денежку зарабатывали. А потом случился апокалипсис. Да, да, тот самый. Но все это было давно и было бы неправдой... Если бы и через несколько сотен лет на Земле, а точнее, в оставшихся хуторах и мурашниках конкуренцию не продолжили те, кто назвали себя «нано» и «экзо». Наноботы, регенерирующие поврежденные органы, против гормональной перестройки организма, логика компьютера против человеческой интуиции. Конкуренция стала войной, войной на уничтожение, причина которой канула в веках. А в центре всего этого кипящего котла электричества и нервов – курьер, доставщик. Который просто хочет пройти простой путь из пункта А в пункт Б. Правда, простым его не назовешь. Даже если закроешь оба глаза.

ISBN 978-5-9922-0217-5

© Катлас Э., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Пролог. Асфальт	13
Глава первая. Проигранное будущее	14
Глава вторая. Арена	23
Глава третья. Улицы	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Эдуард Катлас

Экзо

Если мы преуспеем (и если мы выживем), то вы можете удостоиться бесконечных вопросов от надоедливых праправнуков: «На что это было похоже, когда ты был ребёнком, тогда, перед Прорывом?» или «На что это похоже – становиться старым?» или «Что ты думал, когда ты услышал, что Прорыв приближается?», а также «И что ты потом сделал?» Своими ответами вы перескажете ещё раз сказку о том, как было выиграно будущее.

Эрик Дрекслер. Машины Создания.

Свет дрожал. Мальчик дрожал. Дребезжало стекло.

Это дребезжание было одним из двух звуков, существовавших в мироздании. Дрожь стекла, и шум моросящего дождя – больше ничего. Остальная вселенная была отделена звуковой завесой падающих капель.

Мальчик все еще дрожал от холода, хотя сидел в доме уже с полчаса. Он продрог, вымок, явно недоедал последние дни. Скорее всего, у него было воспаление легких, или, по крайней мере, ангина.

Когда он стучался в ворота поселка, то был почти в бреду. Сейчас он не помнил, ни как добрел до этого поселения, ни как оказался в этой избе, ни кто этот сидящий за столом старик.

Простуда, голод, сырость. Нестрашно для быстро адаптирующего организма экзо. Но он был еще маленьким. Он был слабым. Он шел дни и ночи напролет, шел прочь от смерти, от прошлого, от того, чего не хотел помнить. Когда-нибудь, если у него будет шанс, он станет взрослым, здоровым и сильным. Станет похожим на тех, кто не боится дождя и холода. Не боится путешествовать в одиночку по лесам между поселками. А сейчас он был всего лишь мальчиком. Маленьким живым комочком, пытающимся удержать тепло тела.

Вот так и получалось, что его жизнь, в какой-то степени, начиналась прямо сейчас. Он не хотел помнить прошлого, он не мог вспомнить событий последних дней.

Настоящее тоже не радовало. Мальчику было холодно. Как только они зашли, старик бросил ему застиранный плед, весь рваный, впитавший в себя запахи этого дома. Но, даже закутавшись в него, мальчик не мог согреться.

Ему просто нужно было время, чтобы отдохнуть и дать возможность организму восстановиться. Одна ночь в тепле – и простуда пройдет. Этот седой старик был добр. Большинство других просто не пустили бы его на порог. Старик дал ему плед. Позволил погреться. Надо было что-то сделать, что-то сказать старику за его добро, но мальчик не мог вспомнить, что.

– Благодарю Вас, уважаемый господин, – наконец сумел выговорить он. Надо было поблагодарить, он вспомнил. Всегда надо благодарить тех, кто делает тебе добро, теперь он вспомнил. А тех, кто делает зло... Нет, этого он вспомнить пока не мог.

Старик улыбнулся. Улыбнулся легко, так, как будто любил улыбаться и часто практиковался. Это поразило мальчика. Он не знал почему, но поразило. Где-то в глубинах его сознания таилась память о том, что люди не улыбаются. А если улыбаются, то очень и очень редко. По очень, очень большим поводам. Можно улыбнуться, если деревня построила новый дом, например. Или если напали нано-бандиты, но поселение отбилося и никто не пострадал. Или, если эпидемия прошла стороной... Эпидемия... Нет, эпидемии были из той области памяти, в которую заходить было нельзя.

Старик улыбнулся, но при этом не пошевелился. Совсем. Не поднял руку, не повернул голову. В неровном дрожащем свете от лампы, которая еще раскачивалась под низким потол-

ком, мальчик увидел только как поднялись уголки губ, обнажая ряд идеально белых зубов, и больше ничего.

– Не за что. Тебе просто повезло, что я был на вахте. Я уже достаточно стар, чтобы не бояться подпускать к себе чужаков. Да и эпидемий в нашем районе давно не было.

Эпидемий не было давно. Мальчик подумал и решил, что, наверное, он прошел очень много от того места... от поселка, где... оттуда, где он был раньше. Потому что там эпидемии были.

– Я не заразный, – поспешил сообщить мальчик. – Я давно один иду. Поэтому не могу быть заразным.

– Как будто карантин сейчас помогает, – старик снова улыбнулся, хотя на этот раз его улыбка вышла какой-то кисловатой. – Ты слово «латентный» не слышал? Латентный носитель вируса, например?

– Я не заразный, – упрямо повторил мальчик. Но, так как он опасался, что его упрямство может рассердить старика, то он сказал это очень-очень тихо. Упрямо, но очень тихо.

Старик улыбнулся в третий раз.

– Да мне все равно, я же сказал. Сядь за стол и поешь. Горячая еда тебе поможет. К утру будешь как огурчик. У тебя «панацея» есть? Какой уровень? Или ты не знаешь?

Вопросов было много, и мальчик не очень понимал, как на них отвечать. Он встал, поглубже запахнул в плед и подошел к столу. Похлебка была действительно горячей, от нее прямо подымался пар. Как будто дымок от огня. Огонь. Пожар. Не вспоминать.

Мальчик встряхнулся, сел за стол, взял в руки ложку и попробовал съесть маленькую порцию. Это была его первая еда за несколько дней, поэтому желудок урчал так громко, что старик улыбнулся вновь, но на этот раз без комментариев.

– У меня «панацея» восьмого уровня. И «неприкасаемый». – Мальчик подумал, что такой ответ заставит старика перестать над ним смеяться. Он легко мог стерпеть насмешки, но предпочел бы, чтобы их не было.

– Я выздоровею завтра к утру, – надо послушно повторять слова взрослых, они это любят. – И я не заразный, совсем.

Надо повторять чужие слова и потом добавлять свои. Тогда люди верят твоим словам, как будто они сами их придумали.

Мальчику надо было выжить. И перестать дрожать. Он даже почти не почувствовал стыда за то, что пытается чуть-чуть обмануть взрослого. Да и потом, он ведь действительно не заразный, нет ведь никаких признаков?

– «Неприкасаемый» – это сильно, – подтвердил старик. – Редкая штука, и полезная. Твои родители оставили тебе хорошее наследство.

Мальчик вздрогнул. Но старик этого не заметил и продолжил:

– Только ты не говори никому о подобной мутации. Тем более, закрепленной во втором поколении. Вытяжку, знаешь, кустари любят из трупов делать. А получить модулятор «неприкасаемого», пусть и временный, многие мечтают. Кустари – это гады. Не лучше нано, хоть и свои. А может, даже хуже...

Старик покивал своим мыслям. Взял со стола бутылочку «под сталь», налил в нее воды из железного чайника, стоявшего по соседству. Отпил. Слегка поморщился. Чуть-чуть подкрутил регулятор на горлышке и отпил снова. На этот раз удовлетворенно кивнул.

– Будешь? – протянул он бутылочку, – моя новая комбинация. Вкус почти как у вишневого сока.

Мальчик отрицательно замотал головой. Старик не настаивал.

– Дожили, дети уже боятся подбором вкуса пользоваться. Довели нас эти выродки... Нет, все-таки нано – не лучше кустарей.

Старик задумался о чем-то своем, и, пользуясь этим, мальчик начал торопливо хлебать из тарелки.

Дрожь постепенно проходила. Горячий суп существенно этому способствовал. Все еще укутанный в плед, мальчик посмотрел на лампу. Огонек продолжал дрожать, хотя сквозняка, вроде бы, не было.

«Скорее всего, керосин поганный», – сонно подумал он.

Монотонный шелест дождя, тихонько дребезжащее стекло, – эти звуки постепенно превращались из чего-то плохого, того, что приносит беду, в уютную колыбельную, поющую об отдыхе и покое.

Дрожащая лампа оставляла много места для теней и полутьмы, но и они уже не казались приятном ночных кошмаров.

Мальчик сонно сморгнул. Шелест дождя. Уютный полумрак, плед, согревший его простывшее тело.

Но, наверное, засыпать прямо за столом было невежливо, и сирота попытался поднять голову и сесть прямо.

– Спи, малыш, спи, – услышал он ласковый голос, показавшийся ему знакомым. Вернее, голос то был старика, но в нем прозвучали какие-то интонации из прошлого мальчика. – Завтра проснешься здоровым, тогда и поговорим. Спи сейчас.

Видимо, старик перенес его. Потому что проснулся он на диване, укрытый все тем же пледом и кучей каких-то старых вещей, из-под которых едва выбрался.

Дождь продолжал моросить, поэтому невозможно было понять, что сейчас – утро, день или вечер. В избе было темно и тихо.

Но что-то его разбудило, какой-то звук или движение. Привкус какого-то события сопровождал его возвращение в реальность. Поев и отоспавшись, он стал чуть лучше соображать. И вслушиваясь в свой организм, понимал, что ему стоило бы поспать еще несколько часов, чтобы дать возможность лимфоцитам, модифицированным по варианту «Неприкасаемый» перейти в контрнаступление и окончательно справиться с болезнью.

Звук повторился.

Это был крик. Крик откуда-то с улицы. Не зов, не ленивый окрик соседа, это был крик, который мальчик предпочел бы не слышать. Крик бойца.

Он вскочил. Огляделся. Кухонный нож оказался единственным подобием оружия, нашедшимся на виду.

На улицу выскочил не он один. Выскакивали из соседних изб, кто-то одевался на ходу, кто-то озирался, еще не разобравшись, в какую сторону следует бежать.

Приземистый мужичок, выбежавший из соседнего дома, тащил на плече увесистый ручной пулемет. Непонятно, зачем он держал его в доме, но сейчас мужичок выглядел весьма устрашающе.

Увидев мальчика, он махнул рукой и крикнул:

– Беги с моими детьми. Спрячетесь. А мы сейчас... – С этими словами он деловито засеменил в сторону ворот, на ходу беря оружие наизготовку.

Мальчик посмотрел на лица, выглядывающие из окон изб. Идти с ними он не собирался, но от того, что в деревне хоть кто-то нормально воспринимает нового человека, на душе стало теплее. Он был еще мал, но успел насмотреться на поселения, где в незнакомца сначала бы стрельнули, а потом бы начали разбираться. И возраст в таких случаях абсолютно не брался в расчет.

Он двинулся вслед за крепышом.

У ворот ругались. Переговоры шли с кем-то за пределами видимости мальчика, с кем-то с той стороны ворот.

Сначала он испугался, что пришли Изоляторы. Как-то встали на его след и нашли мальчика даже здесь. Но он же не заразный! Хотя в страшных историях, которые темными вечерами рассказывают друг другу дети, говорится, что Изоляторы никогда не разбираются. Просто сжигают потенциального зараженного, любого, кто входил с ним в контакт, кто входил в контакт с контактируемыми. По мнению мальчика, это было глупо. Он не мог объяснить почему, но каждый раз, когда слышал подобные истории, то ему казалось, что Изоляторы все делают неправильно. Что, впрочем, не мешало ему бояться этих историй вместе с остальными.

Это были, конечно, не Изоляторы. Изоляторы – вообще миф, повторил сам себе мальчик то, что так часто говорили ему взрослые. Да и не стали бы местные ругаться из-за чужака – вышвырнули бы его за ворота, и дело с концом.

Мальчик подобрался поближе.

Теперь можно было разобрать смысл выкрикиваемых слов:

– Выдайте нам того, кто нас траванул, мутировавшие ублюдки ослов, и все остальные останутся живы! Мы же вас всех здесь положим до того, как сдохнем, нам теперь терять нечего!

– Да иди ты, – отвечал ему кто-то с наблюдательной башни у ворот. Кто-то, чувствовавший себя в полной безопасности. – Ваши боты просто заржавели. Сыплются от старости, вот и все. Нано – это вымирающая раса. Посмотри на себя, и ты сам в этом убедишься.

– Заржавели у всех сразу? Сколько инцестов у тебя в роду, что ты стал таким имбецилом? Только кто-то из вас, уродов, мог подбросить нам заразу! Мы подышаем один за другим! И собираемся забрать вас с собой! Побольше!

Кто-то за спиной у мальчика тихо произнес, видимо, обращаясь к соседу:

– Сколько раз говорил, что деревня нано всего в десяти километрах – это непорядок. Давно их надо было выдавить. Дожили, – приходят и угрожают нам в собственном поселке. Каких роботов они там себе навкалывали, чтобы так осмелеть?

Мальчик огляделся. Скорее всего, с этой стороны ворот собрались все, или почти все взрослые экзо. Около полусотни мужчин. Большой поселок по меркам мальчика, поэтому он удивился, как это железяки решились угрожать.

– Идите, вколите себе свежих ботов. Меньше пейте сырой воды, это плохо влияет на железо. И все у вас будет хорошо...

Голос на вышке потонул в звуке взрыва. Лупанули из гранатомета. От вышки разом не осталось ничего, кроме пары свай, на которых она поднималась над воротами. Сколько бы защитников не было наверху, – теперь в деревне ровно настолько стало меньше.

Мальчик отступил чуть назад, ожидая, что сейчас повторят выстрел по воротам и начнется штурм. Нано очень не любили экзо. Они заболели. Им нужны были виноватые в их беде. Ближайшая деревня мирных экзо – идеальный козел отпущения. Все было кристально ясно.

Так же как и то, что экзо сильнее. Экзо всегда сильнее, уж мальчик знал наверняка, потому что это ему говорили с самого рождения. Никакой нано, пусть у него даже вся кровь состоит из ботов, пусть каждое мышечное волокно стимулируется металлическим паучком, – никакой из них не сравнится с экзо.

Ворота остались нетронутыми.

Зато несколько взрывов раздалось сзади, в глубине деревни.

– Это ловушка, – закричал кто-то в толпе. – Они нам зубы заговаривали, пока в деревню пробирались! Мочи долбанных дроидов!

И начался хаос. Никакой стройной обороны у ворот, никаких драк стенка на стенку.

Люди метались. Кто-то бежал вглубь деревни, кто-то, наоборот, – к воротам. В паре мест загорелись избы. Выстрелы слышались, казалось, отовсюду. Экзо не так просто убить. Простой пулей, не попавшей в жизненно важные органы, экзо даже не остановить.

Но нано – тоже.

Мальчик отступал назад, вглубь деревни. Угроза существовала и там, но ему было как-то проще, когда вокруг стояли дома, а не одни лишь хлипкие, как теперь стало понятно, стены поселка.

Ворота слетели с петель как раз тогда, когда он сворачивал за угол, чтобы окончательно потерять их из виду. Там были еще нано, и теперь перестрелка разгорелась и у ворот, где почти не оставалось защитников.

Экзо защищали свой дом. Они были готовы драться до последней капли крови, чтобы уберечь свои семьи. С момента начала заварушки надпочечники вбросили в кровь каждого взрослого мужчины столько кортизола, что страх стал для них мнимой величиной. Боевой коктейль был у каждого экзо.

Но боты в крови нано сработали аналогично.

Мальчик остановился, – бой развернулся прямо перед ним. Впереди тот самый крепыш с пулеметом столкнулся с выскочившими из-за угла тремя нано. Длинная очередь, сотворившая чуть ли не ветер из пуль, выкосила всех троих. Количество дырок, появившееся в телах нападавших, было не залатать даже самым шустрым ботам.

Бицепсы крепыша взбугрились, но он удержал оружие. Ствол не увело в сторону, каждая из пуль оказалась в телах врагов. Но теперь удлинённый рожок был пуст, а пулеметчик, когда выскакивал из дома, совсем не позаботился о боезапасе.

Он отбросил бесполезное теперь железо в сторону, как раз в тот момент, когда на него прыгнули сверху. Еще один нано, притаившийся на крыше. Прыгун начал стрелять еще в воздухе. Мальчик отчетливо увидел, как две пули пробили тело крепыша навывлет. Но тот даже не пошевелился. Поднял руки, встретил падающего на него нано и, резко уйдя в сторону, добавив к скорости падения прыгуна еще немного, ударил его оземь.

Что-то странное происходило с крепышом. Мышцы его бугрились, мальчику казалось, что волосы экзо начали расти, расти быстро.

Пробегающий рядом местный как будто споткнулся:

– Рихтер – оборотень? Кто ж его в деревню то пустил, проверяли же? Твою м...

Экзо не договорил. Его расстреляли сзади. Еще один нано, свалившийся с крыши, расстрелял его со спины, тоже начав палить прямо в прыжке. Только этот находился значительно ближе и целился точнее. Крови почти не было, несколько пуль сразу разорвали сердце, и больше нечем было гнать кровь в артерии.

Нано развернулся и посмотрел на мальчика. Сирота сжался, присел на своих еще не окрепших ногах.

– Выкорчем этих мутантов с корнем. Никого не останется. Только чистая раса, – проормотал нано. Будто оправдывался перед самим собой.

Затем он взглянул на свое оружие, но покачал головой. Решил, что жаль тратить патроны на маленького задохлика экзо. Шагнул вперед, вытаскивая нож.

Мальчик нащупал свой кухонный трофей, который по сравнению с боевым кинжалом наступающего выглядел просто по-идиотски. Нано сделал еще один шаг. Мальчик упал вперед, на колени, затем завалился набок. Пока нано пытался разобраться, что делать с валяющимся на земле зверьком, мальчик успел полоснуть ножом по сухожилиям левой ноги врага.

Порез был настолько неожиданным и болезненным, что нога нано подкосилась, он пошатнулся и чуть не упал. Мальчик не ждал. Он вогнал нож в пах нападающего снизу и попытался провернуть, но тонкое лезвие сломалось.

Мальчик отскочил. Нано завизжал от боли. Убийца и его жертва так неожиданно поменялись местами, что ужас положения еще даже не вполне дошел до нано.

Мальчик сделал два быстрых шага, как будто пытаясь помочь раненому, но вместо этого неожиданно ударил по руке, держащей кинжал. Оружие могло ему понадобиться.

Он позволил себе посмотреть на продолжение боя только тогда, когда вооружился ножом и автоматом, в рожке которого еще было несколько патронов. Запасных он не нашел.

Крепыш полностью трансформировался.

Мальчику тоже было любопытно, каким образом экзо-оборотень сумел пройти проверки и освоиться с оседлой жизнью среди других людей, но это было сейчас неважно. «Нормальные» экзо не то чтобы боялись оборотней, просто периодические всплески буйной и неконтролируемой ярости, которые бывали у перевертышей, усиленные их мутационными возможностями, делали их... крайне неприятными соседями.

Если оборотень и любил жить с сородичами-экзо, то обычно селился отшельником, на отшибе. А здесь – порядочный житель, семья, дети, дом почти в центре поселка...

Это был монстр, более всего напоминающий здоровую обезьяну. Не приглядываясь, можно было определить увеличение мышечной массы чуть ли не вдвое. Отовсюду из-под одежды (там, где она еще держалась) лезли волосы. У крепыша даже повадки стали обезьяньими – он сгорбился, руки его шатало из стороны в сторону, когда он двигался вперед.

И эта обезьяна просто разорвала того нано, с которым вступила в схватку. Просто оторвала одну руку, потом ногу, потом переломила хребет и бросила тело тряпичной куклой на землю.

Еще трое нано вынырнули из-за поворота неподалеку от мальчика, но его даже не заметили. Все их взоры были прикованы к оборотню.

– Ни хрена себе деревенька, – бормотнул один.

Крепыш почувствовал новых врагов. Говорят, что у многих оборотней обоняние становится таким же, как и у животных. Он обернулся и взревел.

Нано начали стрелять, когда этот рев еще не закончился. Мальчик заплакал. Оборотню было больно, мальчик это чувствовал. Еще несколько дырок прибавилось к тем, что уже были в его шкуре.

Но реакция оборотня была не хуже, чем у нано. Секунда, и обезьяна уже спряталась за углом ближайшего дома, лишь взрывкая оттуда, то ли от боли, то ли от ярости.

Нано двинулись вперед, рассчитывая довершить начатое. Они были в десятке шагов, когда обезьяна напала. Тело оборотня взметнулось в воздух, поднятое одним мощным толчком сразу четырех лап. По дуге, которую даже готовые к стрельбе нано не успели проследить, обезьяна влетела прямо в троицу. Мощный удар лапы, к которому добавилась инерция прыжка, просто снес голову первого.

Мальчик отвлекся, заметив на крыше еще одного нано. Этот был осторожен, и не планировал вступать в рукопашную. Он целился, выжидая, когда можно будет накрыть перевертыша, не задев своих. Тяжелый ручной пулемет у него в руках был похож на тот, который еще недавно выбросил крепыш. Это не давало оборотню никаких шансов, – такая штука сделает отбивную даже из трансформировавшегося.

Мальчик вскинул автомат. Четыре патрона. Переведя предохранитель на стрельбу одиночными, он прицелился.

Четыре патрона. Четыре точных выстрела. Четыре пули в полете. Первая пробил череп нано и осталась внутри. Вторая и третья прошли грудь, как надеялся мальчик, где-то в районе сердца. Четвертая разорвала шею, на этот раз пройдя навывлет. Стрелок начал падать в тот же момент, когда с лязгом, одна на другую, четыре гильзы упали на землю.

Взгляд мальчика вернулся к рукопашной. От трех нано остались одни ошметки, но оборотень умирал тоже. Слишком много ран, слишком много повреждений. Даже модифицированная кровь не успевала сворачиваться во всех дырах на его шкуре.

А вдали появилась целая группа нападающих, бряцающих оружием, орущих, стреляющих. Они бежали в сторону оборотня и поливали его свинцом.

Обезьяна даже не металась, лишь покачивалась на месте, как будто в растерянности, и получала пулю за пулей. Выпустив из рук бесполезный автомат, мальчик побежал.

Он знал единственное место, где мог спрятаться. Дом старика. Поэтому он бежал к нему, даже понимая, что безопасных мест в поселке сейчас не найти. Но он был еще слишком маленький, чтобы принимать какие-то более сложные решения. Ему нужно было хоть чуточку времени, чтобы прийти в себя, подумать, что делать дальше.

Он видел, как два человека, один нано и один экзо, расстреляв все свои боезапасы, рвали друг друга голыми руками. Оба уже были при смерти, но ни один не останавливался.

Он видел, как экзо, стоящий у двери своего дома, внутри которого пряталась его семья, выдернул чеку из гранаты. Взрыв прямо в вытянутой руке отшвырнул назад четверых нано, пытающихся до него добраться.

Это не помогло, – вскоре в дом заскочили еще несколько. Мальчик не смотрел.

Он видел, как нано, расстрелявший в упор наступающего экзо, закружился на месте, выронив оружие. Несмотря на то, что никаких видимых ран не было, он упал, и его тело начали сотрясать судороги. Которые не заканчивались и не заканчивались, но мальчик уже бежал дальше.

Старик был в доме. Умирал.

Одна пуля застряла в его голове. Несколько застряло в теле. Видимо, колену досталась разрывная, потому что нижней части ноги у старика не осталось. Он ее с собой не взял. Но сумел наложить жгут выше, и на время кровь унялась.

– Все вокруг меня молодые. – хрипло произнес старик, обращаясь к зашедшему мальчику. Как будто только и ждал кого-нибудь, чтобы заговорить, скорее всего, в последний раз.

– Никто вокруг не стареет. Ни экзо, ни нано. Все умирают молодыми. А я живу и старею, странно, да? У них есть возможность прожить вечность, а онидохнут от болезней, пуль, зверья и радиации. Все, кого я знал моего возраста – уже мертвы. Так и умерли молодыми и здоровыми. Молодыми до самой смерти.

А еще эти нано. Нельзя им было приходить в наши места. Это территория экзо, так должно быть всегда. Ты сам убедился, какие они коварные – дай им осесть, и они постараются убить всех экзо, до которых у них дотянутся руки. Нельзя им верить, я всегда говорил.

– Их действительно отравили? – спросил мальчик, присев около старика и принявшись перетягивать жгут на его ногу. Не то, чтобы это могло спасти старика, но мальчику хотелось хоть чем-нибудь заняться, чтобы не думать.

– Какая разница? Их не отравили. В любом случае, виноват один лишь я, а не вся деревня. Я подкинул им парализатор ботов, вот и все. Случайно нашел в заброшенной лаборатории, давно еще. Хранил, – так, на всякий случай. Вот и пригодилось.

Мощная штука, как ты видишь. Лаборатория была послезакатная, поэтому там все расшифровки были на бумаге. Я прочитал. Это боевые нано-боты, специальная колония против «кровяных пловцов». Превращает силу нано в их слабость. Парализует «пловцов», они постепенно закупоривают вены, потом и артерии. Чем сильнее нано накачан пловцами, тем быстрее «ломается». Только вот засекли они меня, видать. Жаль, что наш поселок так пострадал...

– Зачем?

– Что зачем? Зачем я подкинул им паразитов? Так я же сказал – это территория экзо. Есть правила, есть приличия. Я лично не хочу каждый день видеть этих киборгов рядом со своим домом. «Чистая раса» говорят они! Думают, что раз их гены не модифицированы, то им можно

считать себя лучше нас! А сами накачались ботами по самые зенки, даже в сперме больше ботов, чем человеческих генов. И после этого долбанные железяки смеют задирать нос!

Старик захлебнулся кровью. Мальчик нашел какую-то тряпку, которую можно было счесть чистой, и вытер губы хозяина дома. Старик несколько раз выдохнул, как будто старался выдавить жидкость из легких. Но он еще не сдался. Продолжил:

– Теперь не позадируют! Жалко, что паразиты живут не больше недели и не размножаются. Так что кто из них выживет, тот выживет.

– Из экзо в поселке не выживет никто, – тихо сказал мальчик. Настолько тихо, что старик его не услышал. Мальчик не хотел спорить с умирающим.

– Там, в столе. – Старик поднял ослабевшую руку и махнул в сторону кухни. – В столе контейнер. В нем еще пять пробирок. Таких же. Возьми. Воспользуйся. Добей этих и достань других. Земля – она для экзо. Мы наследники, не какие-то железяки.

Мальчик поднял голову, чтобы посмотреть, куда показывал старик. Когда его взгляд вернулся назад, старик уже умер.

Дом загорелся. Мальчик подумал, что сейчас горит уже весь поселок. Нано или все погибли, или ушли. Экзо или все погибли, или спрятались. В любом случае, после сегодняшнего, на самодельных картах исчезнет два поселка – станет меньше на один поселок нано и на один поселок экзо.

Несколько сотен человеческих душ ушли, к какой из рас они бы не относились.

Мальчик быстро собрал все полезное, что увидел. Скоро ему опять придется ночевать в лесу, где каждая лишняя крошка съестного могла пригодиться.

Ему было жаль старика, не имевшего ни родных, ни близких. Никого, кто мог бы его оплакать. Мальчик знал, что позже сделает это сам. Поплачет по старику. Тот был добр, и возможно, спас его жизнь.

Мальчику действительно жалел о том, что этот одинокий экзо умер, и думал, что слезы придут без труда, когда он им позволит.

Но не сейчас. Сейчас надо было уходить, потому что пожар разгорался, а дождь давно уже закончился. Поселок скоро сгорит, унося с собой следы еще одной битвы между экзо и нано.

Мальчик выскочил за порог на несколько мгновений раньше, чем начали рушиться перекрытия. На стол, в котором хранился контейнер с пробирками нано-паразитов, он даже не взглянул.

Пусть ему было еще немного лет, но он знал. Знал, к чему приводит ненависть между расами. Не для него это было.

Пролог. Асфальт

Шоссе прямой линией проходило с востока на запад. От горизонта до горизонта, никуда не сворачивая и не отклоняясь. Не позволяя препятствиям увести себя в сторону.

Этой дорогой десятки лет никто не пользовался. Никто не ремонтировал. Открытые полосы по сторонам от нее заросли кустарником и подлеском. Асфальт, весь в трещинах и выбоинах, с трудом сдерживал подступающую зелень.

Человек не шел по дороге – он шагал рядом с ней. Какой бы безлюдной ни казалась трасса, – безопасней было держаться под прикрытием деревьев. Такой способ передвижения не прибавлял скорости, но тут начинала действовать поговорка – «на две минуты быстрее и на два метра глубже». Человек разумно считал, что кормить червей ему еще рановато.

Грязно-зеленые перекрашенные джинсы и того же цвета куртка делали его малозаметным на фоне окружающего леса. Чего, собственно, он и добивался, когда портил свою одежду, вываривая ее в немыслимые для джинсов тона.

Путник легко передвигался между деревьями, старательно обходя колючие кусты и постоянно контролируя, куда сделать следующий шаг. Его осторожное перемещение по лесу было бесшумно настолько, что даже птицы, поющие в листве, не прекращали свое занятие при его приближении.

Подобное путешествие явно не было для странника первым. Он шел осторожно, от дерева к дереву. Это была скорее привычка, чем необходимость. Но привычка из тех, что может спасти жизнь. Шансов на то, что где-то здесь, на заранее оборудованной позиции, засел снайпер, было ничтожно мало. Что делать снайперу в глухом лесу, кого поджидать? Рядом с дорогой, по которой за лето проходило несколько человек – не больше?

Но путник не думал об этом и не расслаблялся ни на секунду, продолжая двигаться так, чтобы между ним и возможным охотником в засаде всегда было побольше деревьев и кустарника.

Глава первая. Проигранное будущее

Корни деревьев давно взломали старый асфальт. Эти дороги так и не успели сделать «умными», так что обычный асфальт не мог сопротивляться натиску времени и напору биомассы, неторопливо отвоевывавшей новые территории. Радиальное шоссе входило в город, скромно опускаясь под все еще целой эстакадой кольцевой автодороги и уходя вглубь каменных джунглей.

Дрей не торопился. Он уже больше часа сидел в укромном месте в тени и разглядывал пустые, лишенные стекол, окна домов вдалеке. Сами дома еще стояли, и место, несмотря на завоевывавший новые территории лес, казалось ему слишком открытым, чтобы просто двигаться вперед.

Дрей ненавидел посещать пустые города, «мурашники», как их называли, чтобы не путать с обитаемыми городами людей. Теми поселками, где экзо редко, но иногда все же селились вместе, по несколько сотен человек. «Мурашник» – сокращенное от «муравейник», но имеющее уничижительный и злой оттенок слово, ясно давало понять, как люди относятся к этим местам.

Пустым местам. Местам, увидев которые, каждый волей-неволей вспоминал историю расы, ютившейся сейчас в маленьких деревнях и поселениях. Местам, которые были приманкой для любого, желающего раздобыть что-нибудь интересное, всякие разные полезные штучки, пользующиеся бешеным спросом у скупщиков. Местам, которые одновременно являлись ловушкой для слишком жадных мышек.

Город только казался пустым. Дрей отлично знал, что из любой черной глазницы окна за дорогой сейчас могут наблюдать. И вряд ли через линзы бинокля – скорее сквозь окуляр оптического прицела ОСВ-96.

Каждый мурашник жил своей жизнью. Поговаривали, что в бывшей столице ютились несколько тысяч мурашей, которые очень не любили чужаков на своей территории.

Чужаков не любил никто в этом мире, уж Дрей то это знал лучше многих. Но если поселки обычно просто долго проверяли каждого заезжего, а в деревнях могли и пальнуть в твою сторону, чтобы отпугнуть, то мураши действовали жестче. Они тоже считали, что сидят на сокровищах, и совершенно не собирались подпускать к своему богатству кого-либо еще. И было неважно, кто зайдет на их территорию – экзо или нано, итог от этого не менялся. «Один выстрел – один труп» – этот девиз можно было повесить на въездах в любой мурашник. Подвесить, подсветить светом лампочек, чтобы он служил предупреждением каждому желающему быстро заработать искателю приключений.

За прошедший час Дрей не увидел ничего интересного. Да и не особо на это рассчитывал. Скорее он свыкался с мыслью о том, что в город придется все же войти, причем сделать это надо было до заката, или откладывать начало своего путешествия на следующий день. Как ни опасался экзо снайперской пули, еще больше он ненавидел мысль о том, что ему придется входить в незнакомый мурашник в темноте.

Он уже решил для себя, что по дороге не пойдет – укрыться на ней было негде. Пробежится тропинками под прикрытием полуобвалившихся низко-этажных строений ближе к подъему эстакады. Проскочит по ней короткий промежуток и тут же сойдет в сторону, туда, где вглубь города, параллельно шоссе, уходила разросшаяся полоса деревьев.

Деревья тоже были плохим укрытием, и если за входом в город следят – то его могут заметить. Но снайперу будет очень сложно сделать чистый выстрел – множество веток значительно снизят вероятность того, что пуля попадет в цель. Риск был, но за риск, как обычно, шла хорошая доплата.

Последние годы выполнение заказов стало для Дрея основным занятием. Сидеть на одном месте ему никак не удавалось, примыкать к бандам тоже не хотелось. Из немногих вариантов, которые оставались, Дрей постепенно выбрал тот, что нравился ему больше всего. Заказы были самые разные, и далеко не за все он брался.

Некоторые причисляли Дрея к «археологам», но он им давно уже не был. Если он шел за чем-то, то только по предварительному запросу, с описанием нужного предмета, с предоставленной картой местности, где этот предмет можно найти, и с заранее оговоренной ценой за доставку. Хаотичный поиск всевозможного барахла в надежде в дальнейшем сбыть его скупщикам Дрея не интересовал. Таких, как он, чаще называли доставщиками. Хотя если бы его дело было связано только с доставкой, то оплата была бы намного скромнее.

Он отвел бинокль от глаз и окинул раскинувшийся впереди город скольльзящим взглядом. Хотел было двигаться дальше, но цветное пятно в стороне привлекло его внимание. Снова прильнул к окулярам, чтобы определить, что так долго могло сохранить цвета в давно сгнившем мурашнике.

На торце высотного здания, на самом верху, висел огромный плакат. Сделан он был на совесть, поэтому даже десятилетия не заставили краски потускнеть. Огромные буквы объявляли всем тем, кто входил в город:

«Этот город – защищен»

И ниже, буквами чуть поменьше:

«Генная Логика, группа компаний»

Дрей хмыкнул. Защита оказалась не настолько прочной, как обещал плакат.

Аккуратно запаковав бинокль в лежащий рядом плоский, грязно-зеленого цвета рюкзак и лениво потянувшись. Цвет одежды хорошо подходил для маскировки в лесу, но в мурашнике зеленое пятно будет виднее. Хотя и в городе тоже хватало деревьев, в этом он не сомневался. В любом случае, другой одежды у него не было.

Закинув рюкзак за спину и защелкнув дополнительные крепления на груди, Дрей осторожно двинулся вперед. Напоследок встряхнулся, чтобы убедиться, что ничего не бренчит и ничего не помешает ему бежать, если понадобится.

На определенной территории той местности, что некогда называлась Среднерусской возвышенностью, Дрей был известен. Известен узкому кругу заинтересованных в его услугах людей, но большего и не требовалось. Всевозможный расхожий товар можно было приобрести и без использования его талантов. А вот когда серьезному человеку были необходимы специальные вещи... Будь это маленькая колбочка с редким штаммом, контейнер с новой культурой нано-роботов или древний электронный прибор... Неважно. Штучный товар, штучная доставка, штучное исполнение. Специальные услуги, особая оплата. После всего этого можно поставить знак равно и написать имя Дрей. Доставщик. Экзо с навыками и генетикой бойца. Боец, желающий остаться одиночкой. Одиночка, предпочитающий псевдо-кочевой образ жизни.

Были и другие, немного. Ни с одним доставщиком Дрей не встречался вживую. Лишь слухи, имена, самые известные доставки. Чаще всего подобными рассказами кормили его заказчики. Те из них, которые пользовались его услугами не раз.

Экзо брался за доставку при условии полной информации о товаре. Где находится, как найти, с чем придется столкнуться. Что из себя представляет товар, содержимое, эффект, методы хранения и необходимые меры безопасности. Разные бывали товары.

Сейчас информация была не слишком полная. Да и товар был излишне необычным. Поначалу он вообще не хотел браться за эту доставку, но его убедили. Разные у торговцев были методы убеждения.

Присев за ржавым остовом машины, Дрей замер. Очередной перекресток, который ему нужно было пересечь, мало чем отличался от всех предыдущих. Но что-то доставщику не нравилось. Хотя в мурашнике вообще почти ничего не способствовало появлению положительных эмоций, это место не приглянулось ему особенно.

Интуиция интуицией, но, когда время позволяло, Дрей предпочитал переводить свои ощущения в стройные логические построения. Поэтому он неторопливо оглядывал перекресток, близлежащие участки дороги и проемы окон, которым давно было отказано в возможности гордиться наличием стекол.

Дорога, через которую он хотел перебраться, пустовала. Сначала Дрей заинтересовался окнами – наиболее удобным местом для слежения за любым, кто захочет перескочить через улицу. Но все было бездвижно – за долгое ожидание он так и не заметил ни малейшего признака движения в глубине домов.

– В окнах чисто, – пробормотал ловец про себя. – Впереди завал из трех машин, но непохоже, чтобы из них специально устраивали баррикаду. Тридцать метров до улицы, пересечь – еще метров двадцать, и до завала почти три десятка метров. За завалом чисто... вроде.

Дрей задумался. Пока он так и не понимал, что заставило его насторожиться. Потом продолжил перечисление:

– Двери всех ближайших подъездов закрыты, похоже заперты. Странно, но ничего слишком странного. Если что – быстро уйти с улицы не получится. Следов на асфальте нет, да и не разглядишь следы, пока не подойдешь поближе... Следы...

Взгляд Дрея остановился на щебенке, которой был засыпан центр перекрестка. Подобным мусором теперь были завалены все дороги, особенно в мурашниках. Куски цемента, выпавшие из разваливающихся зданий, огрызки вывернутого из дорожного покрытия асфальта, обрывки бумаги и сухие листья, принесенные ветром. Разбросанные поверх всего этого гильзы. Гильзы. Дрей присмотрелся повнимательнее к этим слегка потемневшим цилиндрам.

Кто-то стоял на этом перекрестке и лупил из автомата. Щедро удобряя мертвый асфальт еще более мертвым металлом. И в том, что здесь, на перекрестке, валялись гильзы, тоже не было ничего необычного. Гильзы нынче можно было найти везде. Только не везде они лежали поверх всего остального мусора, лишь немного тронутые временем. Перестрелка была здесь совсем недавно. Судя по количеству гильз и характеру их рассеивания, стреляло несколько человек. Стреляли в разные стороны, оборонялись. Оборонялись – как обороняются люди, неожиданно попавшие в засаду.

Судя по отсутствию трупов, либо этим людям необычайно повезло и им удалось уйти живыми, либо их тела оттащили, чтобы... чтобы не демаскировать ловушку. А значит, что засада может быть и сейчас.

Дрей еще раз внимательно осмотрел все окна домов и по-прежнему ничего не увидел. Но идти вперед ему резко расхотелось. Был хороший шанс, что его накроют сразу, как только он появится на перекрестке, из тех окон, которые не видны отсюда, из глубины улицы.

Приподнявшись из-за разваленной машины, он начал медленно пробираться в обратную сторону. Бессмысленно рисковать не хотелось, и доставщик предпочел потратить лишнее время на обход опасного места.

Лишь сделав несколько десятков шагов прочь от перекрестка, он понял, что ловушка захлопнулась уже давно. В одном из окон дома почти за квартал до злополучного места шевелилось дуло винтовки, медленно перемещаясь вместе с движением Дрея. Его неизвестные противники оказались очень терпеливыми. Все, чего они ждали – это чтобы пробирающийся по мурашнику путник глубже влез в приготовленную засаду. Но когда план не сработал, они начали действовать.

Дрей быстро, на ходу, огляделся. Расстояние до предыдущего перекрестка было невелико, но этот квартал оказался абсолютно глухим. Никакой возможности заскочить во дворы, двери всех подъездов либо заколочены, либо заперты. По-крайней мере, он не хотел рисковать и долбиться в двери, которые могли оказаться закрытыми.

Окна первых этажей находились высоко. Можно было попробовать запрыгнуть, но почти на всех окнах еще сохранились решетки, делающие акробатические кульбиты невозможными.

Вдалеке, в паре кварталах от злополучного «горлышка» ловушки, в которую он попал, на том месте, которое он прошел совсем недавно, появились силуэты двух вооруженных мурашей. Они не торопились. Наоборот, лишь на мгновения появившись в поле зрения, силуэты тут же исчезли за укрытиями. Мышка уже попала в мышеловку, и никто из ловцов не собирався подставляться под ее укусы.

Дрей наконец нашел то, что судорожно искал глазами во время бега. Одна из решеток на окне, внешне выглядевшая так же, как и остальные, на самом деле едва держалась. Железные прутья, когда-то покрашенные в белый цвет и замурованные в стену, теперь практически не держали тяжелый остов. Кирпичи раскрошились, прутья выступали наружу, и достаточно было одного сильного удара, чтобы выбить решетку из оконного проема. Ну, а о краске и говорить не стоило.

Сначала кислотные дожди разъели именно краску. Затем, железо прутьев постепенно сдавалось въедающейся ржавчине. Медленно, очень медленно, но за полсотни лет даже крепкие когда-то прутья проиграли, истончились, сдали поле боя объединенным силам коррозии, поддерживаемой водой и всякой дрянью, которая до сих пор валилась с неба, и сезонных перепадов температур. Ничто не было вечно в нынешнем мире.

Проблема была в том, что решетка сдалась бы от одного удара изнутри. Но как было добраться до нее снаружи? Дрей прыгнул.

Пуля впиалась в асфальт в полуметре от того места, где он находился. Пока стреляли не на поражение. Пока лишь пытались дать ему понять, что у него нет никаких шансов. Что сбросить с плеча оружие и поднять руки – единственный путь, который позволит урвать еще пару лишних часов в этом мире. Дрей прыгнул. За мгновение до выстрела.

Прыгнул и всем телом повис на едва державшейся решетке. Сначала не произошло ничего. Затем, через мгновение, в тот момент, когда он решил, что упрямое железо предпочло все же остаться на месте, решетка поддалась. Вывалилась на улицу вместе с доставщиком.

Дрей отпрыгнул назад чуть раньше, и решетка, зацепившись краем за стену, вторым ударилась в тротуар. Это было даже лучше, чем он мог ожидать. Решетка создала помост, по которому он немедленно устремился в укрытие.

Еще одна пуля ударила в косяк разбитого окна. Это было уже не предупреждение – добыча могла ускользнуть, и теперь снайпер начал стрелять на поражение. Дрей двигался быстро. Прыжок, шаг на решетку, оттолкнуться ногой и влететь головой вперед в разбитое окно. Снайпер выпустил очередь ему вдогонку, и руку обожгло. Извернуться, чтобы упасть на пол плечом, и тут же кувырнуться, чтобы амортизировать удар и поберечь плечо.

Благо, что комната, в которой он оказался, была пуста. Если в ней когда-либо и была мебель, то ее давно уже не осталось. Оно и понятно – первый этаж. С первого этажа выносить легче всего, а дрова нужны всегда.

После кувырка доставщик тут же вскочил и оказался перед полуоткрытой дверью. Он пробрался сквозь квартиру за мгновения, выйдя к окну, забранному такой же решеткой, но на сей раз выходящему в глухой внутренний двор между зданиями.

Справедливо полагая, что решетки на всех окнах одной и той же квартиры не могут сильно различаться по качеству их установки, Дрей пнул прутья ногой. Решетка поддалась с первого же удара, вылетев наружу. Он прыгнул.

Двор был более чем глухой. Лишь одна арка, расположенная с другой стороны огороженного домами квадрата, выходила наружу. Но сейчас это было ему на руку. Вряд ли те, кто ждал его в засаде, контролировали все окрестности. И пока они сообразят, что к чему, пока успеют добраться до этой арки и понять, куда он мог двинуться дальше, он будет уже далеко.

Дрей побежал, на ходу вытаскивая из нагрудного кармана беспроводной наушник и включая рацию на поиск сигналов в диапазоне коротких волн. Ловцы действовали организованно и слаженно. А это означало, что у них была между собой связь. И Дрею очень хотелось войти в клуб фанатов их радиодиапазона.

Мимоходом он взглянул на раненую руку. Царапина, пуля прошла навывлет, оставив лишь неглубокий след на теле. Через полчаса заживет, не задето ничего серьезного.

Дрей не верил, что соседняя улица могла быть перекрыта, но все же под аркой притормозил, повинаясь инстинктам. Прижавшись к левой стене, не высываясь, он глянул вправо. Тихо. Быстро высунувшись из-за угла, посмотрел налево. Тоже пока тихо, хотя с находившегося неподалеку перекрестка вскоре можно было ждать гостей.

Ввязываться в перестрелку ему не хотелось.

Двор через улицу был не таким глухим, как тот, который он миновал. Дрей метнулся вперед, стараясь как можно быстрее пересечь дорогу. Спрятался на другой стороне за углом дома. Прижался к стене. Приемник все еще тихо шипел, перебирая волны, но эфир был глух.

Цель его путешествия лежала впереди, но Дрею не очень-то хотелось углубляться в город. Сначала надо было стряхнуть с хвоста преследователей. Нелегкая задача в районе, в котором он сейчас находился. Это место потому и выбрали для засады, что не так то просто было из него выйти. Дорога вглубь города была одна – через перекресток, на котором он почувствовал подвох. Все остальные пути были слишком открытыми – насыпь железной дороги, которая просматривалась на километры, явно была не лучшим вариантом для пересечения.

Отступать назад тоже можно было только до определенного предела. Широкое шоссе сзади, которое несколько часов назад он пересек по подземному переходу, сейчас было наверняка заблокировано. И у каждого подземного перехода его могли ждать. По-крайней мере, стоило принимать во внимание эту возможность.

Дрей не знал, сколько людей за ним охотится, и все его предположения не стоили ничего. А приемник, по-прежнему, безмятежно шуршал пустым эфиром.

Задержавшись лишь на какие-то мгновения, он кинулся вперед. Единственный пока открытый для него путь лежал в сторону. Входить в центр или отдаляться от него было чересчур рискованно, могли перехватить. Движение вдоль железнодорожной насыпи тоже было не слишком безопасным, но оно хотя бы давало ему некоторое время. Возможно, что преследователей не так уж и много. Может быть, они растянутся, пытаясь перекрыть более явные пути его отхода. И тогда он просто тихо уйдет, затеряется в лабиринте пустых зданий. Затаится где-нибудь в пустой квартире и пересидит денек, пока все окончательно не успокоится.

Пока он мог точно сказать одно – мураши не в силах собрать столько людей, чтобы обшарить каждую комнату в нагромождении некогда жилых построек. Достаточно было тихо уйти из зоны их поиска и залечь.

Дрей, после мгновений раздумий, двинулся вперед, к следующей радиальной улице. Чуть больше ста метров с препятствиями в виде мусора, разросшихся деревьев и кустов. Ржавых, просевших до земли автомобилей и вывернутых из асфальта бордюрных камней. Всевозможного металлического хлама, который когда-то вышвырнули из окон окружающих домов, да так и оставили лежать во дворе. Мебели не было, дерево тогда сжигали, чтобы согреться. Да и сейчас делают точно также, но сейчас в мурашнике осталось слишком мало народу, зато появились настоящие деревья, которые можно было использовать на дрова.

Десять секунд, может быть одиннадцать – и Дрей был уже на другой стороне двора, выглядывая из очередной подворотни, проверяя, нет ли кого на улице. Неплохая скорость, неплохие

способности. Сотню лет назад он взял бы кучу золотых медалей на любой олимпиаде. Одна проблема – вокруг него все были такими. И то, что он бежал быстро, еще не означало, что кто-то из его преследователей не может бежать еще быстрее.

Вдоль улицы подул ветер, поднимая песок и пыль с разбитого асфальта. Бессознательно Дрей отметил росток тополя, пробивающийся из-под покрытия прямо посередине полосы, по которой когда-то шуршали колеса машин. Теперь этот росток был в полной безопасности – чего-чего, а машин на этой дороге в ближайшее время не предвиделось.

Ждать слишком долго было нельзя. Дрей бросился через дорогу, к следующему укрытию.

До угла дома на другой стороне улицы оставалась пара метров, когда его накрыли звуки. От неожиданности он чуть было не врезался в стену дома, с трудом увернулся и через мгновение замер в укрытии, успокаиваясь. Шум шел из рации, но пока его мозг успел это осознать, положить внезапный звук на определенную полочку в определенном шкафу каталога, организм, не дожидаясь результатов, вбросил в кровь изрядную порцию адреналина.

Прислушиваясь к голосам в наушнике, Дрей несколько раз выдохнул, выжимая из легких весь воздух без остатка, восстанавливая дыхание, подчиняя разбушевавшееся сердце обычному ритму.

– Мать твою, правее забирай! Он не дальше пары кварталов! Надо было сразу кончать этого навозника, и сейчас бы скакать не пришлось. – Голос в приемнике был злой, по сбитому дыханию чувствовалось, что мураш сильно недоволен тем, что ему приходится много двигаться.

«Силовик, – определил Дрей, вновь, после короткой остановки, переходя на бег, – не любит шевелиться. Базовый экзо, скорее всего. Нано уже адаптировался бы к нагрузке».

– Смотри, чтобы тебя сейчас не кончили, – глухо ответили по рации. – Мэр сказал тащить всех живьем. Так что ему и высказывай свои претензии.

– Да мне въехало в мороз, кто чего там сказал...

– Заткнулись все, – вступил в разговор третий голос. – Навозник уходит на юг. Сейчас уже в двух кварталах. Давайте все туда. Надо быстро его брать, пока он не экранировался или не ушел из-под сканера.

Вот это было уже плохо. Преследователи со сканером – это совершенно не то, что преследователи без сканера. А тем более, с биосканером, мощность которого позволяла удерживать цель на несколько кварталов. Лучшие модели, какие встречались Дрею раньше, могли выискивать живые объекты не более чем в десятиметровом радиусе.

– Не понтуйся, Лоскут, – кто-то из преследователей все не хотел успокаиваться. Просто был излишне болтливым, как показалось Дрею, – На юге Хаммер с парнями. Уйдет навозник от нас – на него нарвется.

– И потом Хаммер будет весь вечер над нами издеваться? – голос главного стал тише, злее и совершенно потерял интонации. Будь Дрей на месте его собеседника, он бы почувствовал себя неуютно. – Хочешь этого, долбаный экзо? Хочешь, чтобы над тобой потешались в городе?

– Да ладно, чего ты, Лоскут?! Нормально все будет, куда он отсюда сольет. Мы здесь каждый закуток еще в детстве обшарили. А у навозников в городе сразу крыша едет. Сейчас забьется в какой-нибудь угол, и там его и возьмем тепленьким. Чего напрягаться-то?

– Заткнулись все, говорю последний раз. Двигайте ножками, он по-прежнему уходит.

Замечание было верно. Дрей бежал между домами, торопясь добраться до следующей улицы. Он не верил, что у сканера может быть большой радиус действия. Даже в то, что преследователи отследили его за два квартала, верилось с трудом. Выйти из-под колпака сейчас было самым важным. Потом можно будет сманеврировать, изменить направление, обойти преследователей стороной, избежать встречи с пресловутым Хаммером.

Времени плутать у него не было. Теперь, когда заработавший приемник оповестил его о том, что у шайки мурашей был сканер, все усложнялось многократно.

Дрей вырвался на середину улицы, по привычке быстро подтянулся ближе к краю дома и побежал к ближайшему перекрестку, больше не пытаясь уйти в сомнительное прикрытие домов. Во дворах кварталов мурашника сложнее было заработать пулю, но пробираться дворами – это двигаться медленно. Доставщику же надо было уйти из зоны сканирования, иначе его игра в прятки теряла малейший смысл.

Улицы, впрочем, тоже не были идеальны для спринта. Дрей прыгнул, ударился ногами о капот машины. Завал сразу из нескольких кузовов преграждал ему путь, и у доставщика не было никакого желания искать обходной путь. Это были уже не машины, а сплошная груда металлолома, спаянная воедино. Ржавчина, трава, прорастающая в каждой щели, – почему-то трава на машинах росла даже лучше, чем на закрытой асфальтом земле.

Пылинка за пылинкой, кусочек за кусочком, мусор забивался в эти щели. Застревал в них, сдабриваемый приносимыми осенью листьями. Потом на эти плацдармы попадали семена, и вот теперь эта свалка металла постепенно становилась прообразом будущего маленького холмика. Может быть, пройдет еще несколько сотен лет, и кто-то, проходящий мимо, даже не сразу поймет, что легло в основание этого бугра.

Дрей оттолкнулся от ржавого металла, и прыгнул дальше – опять на асфальт. Одна нога чуть было не попала в ловушку – изъеденное временем железо не выдержало нагрузки и начало крошиться, обваливаться вниз. Но Дрей был быстрее, – дыра осталась на капоте древней машины, а он уже бежал дальше.

– Ушел из-под сканера где-то на юго-западе, чуть сместился к центру, – после небольшого перерыва приемник вновь ожил. – Быстрее все стягивайтесь туда. Этот парень очень неплохо модифицирован. Надо его взять...

Говоривший начинал задыхаться от бега, это чувствовалось в его голосе. Либо его модификации были не так хороши, либо сканер представлял из себя неслабую махину. Но кто-то продолжил мысль вместо замолчавшего Лоскута:

– Конечно, надо его взять. Такой резвый жеребенок развлечет нас. Ставлю на первый бой два к одному на бегуна.

– Возьми сначала его живым, – еще один голос.

– Ставку два к одному беру, Серый.

– Только если его не повредят, – тут же решил уточнить «Серый».

– Да, два к одному на первый бой, если он будет целеньким к его началу. Ты еще не знаешь, кого выставят против бегуна, – в голосе принимающего послышалась насмешка.

Из этого сумбурного разговора Дрей мало что понял, да и не пытался. Сейчас его волновала только та информация, которая могла быть применена немедленно. А именно: он избавился от слежки. Сканер держит два – два с половиной квартала. На всякий случай пробежав еще один перекресток, и, по-прежнему никого не встретив, он резко изменил направление и двинулся в обратную сторону – на север.

Охотничья свора должна была остаться сбоку. Чтобы поберечь силы, Дрей перешел на более размеренный бег.

День был безоблачный, и солнце в зените всю этим пользовалось. Асфальт раскалился. Не желая находиться в топке в одиночестве, дорога щедро делилась жаром с окружающим воздухом. От поверхности подымалось марево, струи воздуха спешили вверх, чтобы побыстрее охладиться, удалиться от раскаленной земли.

Непрерывный бег и жара заставили среагировать тело тренированного экзо, и, как только он сбавил темп, по его телу заструился пот. Все же мурашник вызывал у него крайне смешанные ощущения. Обветшавшие бетонные коробки, к каждой из которых когда-то жило

столько людей, сколько сейчас не найдешь и в десятке деревень. Почти полное отсутствие ветра, и солнце над рукотворными горами камня.

Полуденный зной, казалось, слегка изменил его восприятие. Мир вокруг словно стал не вполне реальным, некой абстракцией, которую можно было изучать со стороны. Безветрие, зной, чуждый ему бетон и асфальт. Треск бетона вместо пения птиц. Пыль и мусор вместо травы.

С другой стороны, весь мир давно уже перестал даже пытаться казаться реальным. Мир уродов, живших на уродливой земле. Мутантов, выживающих среди радиационных пустынь. На западе от этого мурашника таких было две – пара пятен на карте, со значками радиационной опасности. Маленьких пятен на карте, совсем маленьких, если не смотреть на масштаб. Если же аккуратно отмерить сантиметры на карте, и все-таки взглянуть в уголок, то эти пятна оказывались смертельными зонами в несколько десятков километров диаметром.

И это даже не было войной. Так – случайные взрывы тактических ядерных зарядов полсотни лет назад, когда люди дошли как мухи. Но у этих нежизнеспособных мух были маленькие опасные игрушки. Кто и зачем решил поиграть по крупному, разбираться сейчас уже было некому. Таких пятен на любой карте были десятки. О возникновении каждого из них среди местных ходили легенды, начиная с подрыва бункеров управления врага, химических и биологических лабораторий. Заканчивая офицером, случайно заставшим свою супругу за адюльтером, и решившим отомстить изменнице, ее любовнику, а заодно и всем соседям по кварталу.

Кто теперь разберет, – говорят, что тактические заряды в последние годы разве что в подвалах не делали. Политика ядерного сдерживания – одна уличная банда сдерживала натиск другой, потому что у нее был волшебный чемоданчик. Например. Почему нет? Правительству можно – а мы такое же правительство, только смелее.

И если бы проблемы заканчивались пятнами на картах...

Дрей встряхнулся, не останавливая бег. Углубляться в абстрактные размышления было нельзя. Не та ситуация, не то время, не то место. Сейчас стоило подумать о своих проблемах, а не о судьбах глупого человечества.

По его расчетам, он ушел от границы действия сканера где-то на квартал. И сейчас бежал в направлении, обратном тому, в котором двигались его преследователи. Еще пяток кварталов, и можно было затаиться, отдышаться, обдумать ситуацию. Вряд ли мурашники так просто отпустят беглеца. Они относятся к своей территории, как будто легендарные львы к охотничьему ареалу. Могут нагнать еще людей, но будут искать его еще долго и упорно.

– Всем переключиться на запасную частоту, – голос Лоскута. – Никаких базаров на этой волне. Быстро!

Н-да. Хуже. Лоскут догадался, что беглец сидит на их частоте. Другого объяснения быть не могло. Это не радовало, не радовало так же и то, что догадаться Лоскут мог только одним разумным способом – вновь обнаружив его на сканере и определив, что беглец как-то очень точно их обходит. А если он снова на сканере, да еще и глухой, то уйти будет очень сложно.

Дрей вновь включил поиск рабочих волн, но надежды на своевременный перехват было мало. Запасная волна вряд ли найдется быстрее, чем основная.

Бег. Легкий стремительный бег, сопровождаемый лишь шуршанием эфира в наушнике. На ходу он расстегнул куртку, хлопнул по кобуре штурмового пистолета, схватил рукоятку, проверяя, достаточно ли быстро сможет выхватить ее из горизонтального захвата. И еще прибавил скорости.

Его генное наследие не включало в себя длительного понижения эмоций. Генные модификации, гемы, как их называли, которые он сделал себе сам в сознательном возрасте, также не подразумевали ничего подобного. Было только кое-что краткосрочное. Однако эмоций сейчас у Дрея не было, никаких. Тут он справлялся без всякой помощи, используя одну тренировку. В подобные переделки доставщик попадал не раз, и если бы не умение сдерживать

выброс гормонов в кровь, то мурашам сегодня не представилось бы счастье на него поохотиться. Не на кого было бы охотиться.

Дрей уловил эхо шагов бегущего где-то позади человека. Нет, не позади, – шаги слышались откуда-то справа, из одного из боковых проулков, которых здесь было множество. Определить точно, по какой именно улочке сейчас бежит его преследователь, было сложно. Эхо отражалось от стен домов, гуляло по неподвижному воздуху. Будь экзо в лесу, он бы сказал. Он бы даже сумел выстрелить на звук, и даже попасть. Но не здесь, здесь, в мурашнике, ему не хватало практики.

Первым его желанием было затаиться и пристрелить самого ретивого из преследователей, когда он выскочит в зону видимости. Но Дрей все еще считал, что убивать рано.

И он юркнул в проем подъезда, давно уже оставшегося без двери. К счастью, проходного, что можно было считать везением.

Еще один пустой двор, осмотр еще одной улицы. Он сбросил рюкзак на ходу, забросил его в пустую бочку, валявшуюся среди кучи мусора. Не останавливаться.

Шаги позади затихли, хотя Дрей понимал, что теперь это ненадолго. Но продолжал бежать.

Снайпер сидел у окна, в пустой квартире на верхнем, шестнадцатом этаже здания. Не самое высокое здание в округе, но зато из окон хорошо просматривалась длинная прямая улица. Просматривалась на несколько километров. Даже если он не успеет снять бегуна, то сможет передать весть о том, что тот появился в зоне их группы. У его отряда не было сканера, так что приходилось действовать старыми добрыми методами. Смотреть, пошире распахнув глаза, и слушать, наострив уши. Благо волну соседней группы они научились перехватывать давно.

Когда соседи-охотники погнались жертву, Хаммер поднял всех и подтянул на границу их сектора. Шансов было немного, но вожаку очень льстила мысль, что он имеет возможность утереть нос соседям. И он не собирался эту возможность пропускать.

Подтянув к окну большую кадку, в которой когда-то росло комнатное растение, снайпер перевернул ее вверх дном и теперь сидел на ней, оперившись локтями на подоконник, разглядывая прямую линию улицы. Рядом, наведенный в сторону наиболее вероятного появления бегуна, стоял бесшумно стреляющий винторез. Было скучно.

Развлечение было одно – слушать, как запыхавшиеся люди Лоскута мечутся в поисках бегуна. Это было весело. Снайпер подумал, что тоже будет ставить на прищельца. Очень уж удачно он бегал от целой группы охотников.

В трех сотнях метров на улицу выскочила фигура в грязно-зеленом камуфляже. Или не камуфляже, отсюда было не разобрать...

Пуля ударила под лопатку, в спину. Ударил с такой силой, что Дрея просто снесло на асфальт и еще и отбросило вперед метра на два. Тяжелая резиновая пуля, «релаксатор», моментально выбила из легких воздух, бросила доставщика на землю, возможно, сломала пару ребер.

Вторая пуля окончательно остановила тело, пытающееся шевелиться, ударив по затылку. Едва не проломленное основание черепа. И, почти наверняка, легкое сотрясение мозга.

Темнота.

Глава вторая. Арена

«... Каждое человеческое чувство, хаотическое столкновение радости и печали, спокойствия и раздражения, любви и ненависти – все это лишь логическое продолжение работы Высшего над улучшением породы чад, им созданных. Битва чувств человека ничем не отличается от эволюционной борьбы за выживание отдельных особей и видов.

Хаос в таком случае уместен. Только хаос позволяет природе каждое мгновение создавать новые чувства, едва заметно отличающиеся от предыдущих. Только постоянная проверка на жизнеспособность в условиях изменяющейся внешней среды позволяет работать эволюционному отбору, отбрасывать вредные для развития рода эмоции, зачастую вместе с их владельцами. Высший создал идеальную модель для развития своих творений. Жестокую, сильную и неспособную ошибаться.

Эволюция эмоций, постоянное столкновение сотен чувств единственной особи, избранной нести внутри себя нечто большее, чем просто набор инстинктов, ясно показывает, что работа Высшего продолжается. Она отнюдь не завершена. Но, как и в случае с совершенствованием генотипа, эта эволюция будет продолжаться тысячелетия и лишь после наш вид сможет насладиться ее плодами. Осталось только подождать...»

Библия Экзо

Боль.

Болела голова. Нет, не так – голова из средства для размышлений превратилась в образец боли. Дрею казалось, что все находящееся внутри черепной коробки так долго и нещадно трясли, что этот шейк теперь мог использоваться в качестве примера для взбалтывания напитков.

При этом, на уровне неосознанных мыслей, мелькающих где-то на дне этой болтушки, он помнил, что мозг болеть не может. Просто неспособен мозг болеть, ввиду отсутствия болевых рецепторов. Что болит либо шея, либо череп, либо вообще это всего лишь иллюзии, зародившиеся во взбесившихся от удара нейронах. Сколько тысяч, или миллионов синапсов было оборвано вследствие удара? Если бы он мог думать, то Дрей обязательно бы об этом поразмыслил. Но думать он пока не мог.

К ощущению болтанки в голове постепенно добавилась настоящая боль – боль от удара в спину. Ныло где-то под лопаткой, но хуже было даже то, что болели вообще все внутренности.

«Почти наверняка ребра сломаны» – подумал Дрей. И неожиданно обрадовался этой простой и неприятной мысли. Наличие мыслей радовало, хотя бы потому, что они замещали еще более неприятные ощущения.

Дышать было тяжело. Это был уже третий факт, который смог уложиться в его голове. Дышать было тяжело и больно. Глубокий вздох, который он попытался сделать, чтобы избавиться от ощущения нехватки кислорода, отдался в левой части груди такой болью, что Дрей мгновенно прекратил всякие попытки повторить эксперимент. Согласившись сам с собой, что можно дышать и потихоньку, как будто и не дышать вовсе. Так – чуть воздуха зашло внутрь, чуть вышло наружу. Само собой происходит, а я и не дышу вовсе, вообще не шевелюсь и не пытаюсь раздражить боль.

Так, с дыханием разобрались.

Мутная взвесь боли и хаотичных обрывков ощущений начала медленно оседать на дно сознания. Мысли экзо постепенно становились более сложными, нежели просто фиксация

фактов «больно – не очень больно». Он вспомнил, что когда-то у него были глаза. Средство для визуального наблюдения за окружающим миром и всем, что в нем происходит.

Еще какое-то время ушло на то, чтобы вспомнить, как действует зрительный орган, и как им можно управлять. Но, в итоге, это не принесло большого эффекта – глаза были завязаны чем-то плотным, материей, через которую едва пробивался свет. Что же, он не ослеп. Это было хорошей новостью.

Ощущения добавлялись. Наручники на руках, на ногах тоже браслеты. Его запеленали очень хорошо, по мере восстановления он начинал чувствовать, что его пленители одели даже ошейник. Скорее всего, они облачили Дрея в усиленный смирительный блок. Ошейник, способный ударить током излишне ретивого узника, соединенные воедино браслеты на руках и на ногах. Возможно, что-то еще.

Чувствовалось движение. Его несли, видимо, на носилках. Большая честь.

Рюкзак он сбросил, не найдут они его снаряжение в этих трущобах. Автомат, пистолет, нож – это у него изъяли в первую очередь. Но оружие у доставщика было абсолютно стандартное, жалеть о нем не стоило. А вот о своей свободе – да, вот о ней следовало бы подумать. В такую переделку ему еще попадать не приходилось. Его, экзо высшей пробы, тащили куда-то как беспомощного щенка.

Что они там говорили о ставках? Дрей прокрутил еще раз весь подслушанный по приемнику разговор. Сложил два плюс два. Получалось, что в мурашнике его заставят соревноваться, к бабке не ходи. Но не в беге же, которым так восхищались его преследователи?

«Гладиаторские бои», – подумал доставщик.

Единственное серьезное развлечение, ради которого его могли оставить в живых. Обычно мураши не мусолят чужаков, тем более не тащат их на носилках в глубину своего логова. В другом мурашнике дело ограничилось бы пулей, сразу или после недолгого разбирательства. Чаше сразу.

«Развлекаются, – подумал Дрей безразлично. – Стравливают бойцов на арене. Надо полагать, что бои идут не до первой крови. Так что мало этот вариант отличается от немедленной пули в голову.»

– Эта падла очнулась, – прозвучал позади хриплый голос. Говоривший, похоже, был одним из тех, кто нес носилки, и был крайне этим недоволен. – Может, освежим его, да пусть дальше сам топает?

– Тащите, немного осталось. Дольше разбираться. Дотащим, сдадим, тогда и расслабимся. Вечер обещает быть интересным. Давно мы мэру такой качественный товар не подгоняли. Он оценит.

– А Лоскут с братвой так и остались ни с чем. Хорошо мы их сделали, да, Хаммер?

– Неплохо, – откликнулся тот же голос. Хаммер собственной персоной, отметил Дрей. – Теперь будут ходить неделю прижав хвост. Надоели они мне со своими мелкими пакостями.

– На кого ставить будешь, Хаммер? – в разговор вступил еще один участник.

– На нашего друга. Слушайте сюда. Надо будет пустить слух, что мы его сильно поломали. Ребра сломаны, сильное сотрясение мозга, почки ему опустили, когда брали. В общем, выболтайте побольше подобной фигни «по секрету» за выпивкой. На первом бое заработаем хорошо. Первый бой он точно пройдет. Ну а дальше – вы уж сами соображайте.

– Кстати, о заработке...

– Помню, не волнуйтесь. Никого не забуду. В последний раз мэр обещал за хороших бойцов десять склянок. Трехлеток обещал. Как обычно – три моих, две – эльфю за хороший выстрел. Остальные – поровну между всеми.

– Геммов бы новых, – протянул кто-то.

– Сами потом сообразите, поменяете. За одну порцию роботов-трехлеток можно найти приличные модификаторы.

– А чего трехлетки?! Без права размножения. Вот если бы вечных нанок кинули хоть разок...

– У мамыши надо было вечных побольше просить. Где ты сейчас вечных ботов найдешь, да еще и с привязкой к генной карте, чтобы ты не сразу загнулся? Забудь. Что мамка тебе через пуповину прокачала – все твое.

– Говорят, что в западной зоне нашли лабораторию...

– Сходи разведай, дятел. – Голос Хаммера стал злым. – Там из пулеметов лупить начинают как только увидят, без базаров. Это мы такие добрые.

– Хорошо бы отыграться на ставках, можно было бы и прикупить чего полезного...

Хаммер хмыкнул:

– Отыграйся, ага. Только я тебе в долг больше ничего не дам. Ты и так мне две склянки годичной культуры должен.

– А премию сразу дадут? Тянуть не будут, как обычно? Я бы тогда успел поставить.

– Постараюсь, пацаны, постараюсь. Как у мэра настроение будет, сами знаете. Я же за вас всегда горой. Он обычно к моим просьбам прислушивается, настоящий мужик.

– Да, мэр у нас голова, – голос экзо-должника стал заискивающим, – не зря он тебя уважает. Понимает, кто чего стоит. Ты бы нам, Хаммер, еще подсказал, как и на втором бое заработать, мы же знаем как тебя слушаем...

– Думать надо, – важно ответил Хаммер. – Ко второму бою все уже сообразят, что к чему, да и после отбора настоящие бойцы на арену выходят. Так и не угадаешь.

В группе повисло молчание. Видимо, каждый усиленно изображал размышления. Носилки слегка покачивались. Даже крохотный толчок отдавался болью в спине, болью в затылке. Хотя она постепенно проходила.

Дрей понемногу восстанавливался. Может быть, ребра и не были сломаны, в конце концов. Может, обошлось трещиной или ушибом. «Второй бой, говорите?» – подумал экзо.

– Может быть, я помогу, – произнес он, с трудом разлепляя губы.

Движение остановилось. Носилки опустили на землю. Не то чтобы их бросили, но и излишней заботы у носильщиков тоже явно не наблюдалось. Так, небрежно положили. От удара боль в спине усилилась, и Дрей скривился.

«Я не дышу, не дышу, почти не дышу. Сколько воздуха случайно заберется ко мне в легкие, столько мне и хватит. Я не дышу, так, вентиляция легких естественным образом...» – какое-то время эти мысли, похожие на мантру, носились в его голове в полном одиночестве.

– Гляди-ка, быстро очнулся. – Голос был Эльфа. Голос того, кто, судя по размеру вознаграждения, использовал недавно Дрея в качестве мишени.

С пленного сорвали повязку. Он слегка прищурился, потому что его глаза, как оказалось, смотрели прямо на солнце. Но тут же зрение восстановилось, и Дрей смог взглянуть на своих захватчиков.

Девять человек. Мураши, что экзо, что нано. Для того чтобы определить их принадлежность к городу, не надо было проводить глубокого генного анализа или выуживать из их крови нано-боты. Да и ничего бы подобные исследования не обнаружили. Такие же люди, как и все прочие. Вариантов немного – либо экзо, либо нано. Вариантов множество – как у экзо, так и у нано. У экзо, по крайней мере, уже десятилетия назад перестали отслеживать минорные генетические модификации, особенно те, что приобретались с помощью геммов. Слишком много вариантов. Слишком много единичных мутаций, не входящих ни в какие базовые каталоги. Да и где они, эти базовые каталоги. Теперь каждый экзо – сам по себе каталог.

Полсотни мутаций, составляющих генное наследство почти каждого экзо, уже и мутациями давно перестали считать. Без них в нынешнем мире нельзя было выжить. Нельзя было дышать. Нельзя было ходить под солнцем. Нельзя было прикасаться ни к чему живому.

Можно было существовать и без базового комплекта, находясь где-нибудь в изолированном бункере глубоко под землей. В одиночестве, даже не помышляя о продолжении рода.

А ведь к числу наиболее опасных живых объектов относились и другие люди.

Еще несколько сотен мутаций были широкоупотребительными. Обычно именно по ним можно было определить, к какому классу отнести того или иного экзо. Именно они в свое время были включены в каталоги. Беспольные каталоги, существующие скорее для того, чтобы удовлетворить извечную жажду людей к упрощению, к моделированию сложных систем, приведению необъятной информационной матрицы вселенной к простым схемам, которые способен понять их скудный ум.

Но этих мурашей отличали от остальных людей не особый комплект мутаций или специальный набор культур нано-роботов. Здесь все лежало на поверхности.

Их отличала одежда, какой не встретишь в поселках. Они до сих пор пользовались одеждой, которая была произведена не вручную, кичливость которой могла бы поспорить с безумством того мира накануне Заката, где она была создана.

Их отличало выражение лиц. Такие лица можно было увидеть только в мурашнике. Лица тех, для которых окружающие развалины были одновременно и домом, и крепостью, и тюрьмой. Что-то неуловимое отличное было в этих лицах. Если улыбка – то больше похожая на оскал. Если гнев, то больше похожий на буйство. Если безмятежность – то более холод смерти.

– Как? – Хаммер подошел к разговору деловито, что было для Дрея даже некоей неожиданностью. Как неожиданным оказался и внешний вид вожака. Доставщик, невольно привывая внешность к имени, ожидал увидеть крепыша, с руками, больше похожими на кувалды и закаменевшим лицом героя старых боевиков.

Вместо этого у его ног стоял, чуть ли не добродушно глядя в глаза пленника, невысокий толстячок. Короткие пухлые пальцы почти небрежно держали рукоять длинноствольного револьвера. И подобного оружия Дрей также совершенно не ожидал увидеть у вожака стаи, получившего прозвище Хаммер. Казалось, весь этот человек – сплошной набор несуразностей. И в оружии, и в комплекции, в имени и в одежде. Как-то не шли к его фигуре обтягивающие тряпки из латекса.

Но дуло револьвера неотрывно смотрело на доставщика, как будто предлагая не обольщаться. Латекс или нет, но шесть зарядов даже из экзотического оружия, выпущенных в упор и твердой рукой, поменяют мнение любого человека о моде и античных идеалах фигуры.

– Ты онемел, навозник? Я все еще жду ответа.

– Вы помогаете мне выиграть второй бой, я его выигрываю. Все просто. Все довольны. Вы зарабатываете столько, что можно подумать о маленьких пробирочках с размножающимися культурами нано, а может быть даже и о паре полезных геммов.

– А тебе это каким боком? Не говори мне, что ты бродячий боец и любишь выигрывать.

– Из того, что я услышал и понял, я либо выигрываю, либо мое хрупкое тело разбирают на отдельные полезные части. Может быть, я буду выглядеть архаичным, но я люблю свое тело в том виде, в котором получил его от родителей.

Банда вокруг него расхохоталась. Дрей не то чтобы был о себе совсем уж низкого мнения, но все же он не считал свою шутку достаточно удачной, чтобы заставить мурашей так дружно смеяться. Они ржали над ним, а не над его шуткой. Своим смехом они измывались над его наивностью, одновременно показывая ему, насколько призрачны шансы чужака вырваться из сложившейся ситуации живым.

– Знаешь, навозник, – толстяк лишь слегка усмехнулся, – в отличие от своей шайки, я люблю честные сделки. А эта сделка не будет таковой, если сначала я тебе не скажу кое-что. Ты согласен услышать пару неприятных известий? Ты вроде храбрый парень, но даже самые-самые храбрые парни ненавидят рассматривать окрестности, когда висят вниз головой

на крыше небоскреба, и лишь веревка, которой связаны их ноги, удерживает их от падения. Особенно, если по этой веревке елозит нож, пусть даже и тупой.

Сравнение было весьма живое, и Дрей невольно решил, что Хаммер не пытался раскрасить свою речь несуществующими образами. Как-то не хотелось Дрею причислять к списку достоинств толстяка воображение и образное мышление. Скорее, он просто вспоминал что-то из своего недалекого прошлого. Кому-то сильно не повезло, и доставщик даже думал, что именно рука толстяка держала тот тупой зазубренный нож. Возможно, специально тупой.

– Ничего не скажу по поводу своей храбрости, но я бы все же послушал, – ответил Дрей.

– Отлично. Я верил в тебя. Так вот, новость дня: еще ни один навозник не выживал трех боев. Некоторые проходили первый. Я видел двоих, которые выползли с арены после второго. Но третий бой – это уже профессиональный ринг, если ты понимаешь, о чем я тебе толкую. Третий бой – это высокие ставки, там на кону находятся такие пробирки, какие тебе и не снились. Ставить на навозника в третьем бою – это для дурачков, молодых придурков, которые хотят заработать по легкому. Мы же люди разумные. Мы лучше будем иметь верняк, понемногу, не торопясь, выигрывая раз за разом. Хорошая стратегия в длительной перспективе, не находишь?

– Безусловно, – тут же откликнулся экзо. Он начал слегка уставать от попыток толстяка выглядеть великим философом, поэтому моментально вклинился в монолог, ответив на вопрос, который, судя по интонации, ответа не требовал. – Но почему бы не попробовать взять свой верняк на втором бою?

– А тебе-то это зачем, задохлик? Ты же все равно сдохнешь. Даже если и переживешь все начальные бои, то придешь к тому же – тебя разорвут в третьем бою.

– Предпочту немного оттянуть финал. Я же ничего не теряю, правда?

– Я бы не стал, – ухмыльнулся Хаммер, – на твоём месте я остановил бы сердце прямо сейчас, или откусил бы себе язык и истек кровью, или придумал бы другой способ самоубийства. Все они значительно приятнее, чем следить за тем, как твои кишки наматывают на руку.

– Хаммер, да брось ты! – Эльф, судя по голосу. Н-да, тот еще эльф. Наверное, прозвище было дано за его меткость. Или как издевка к приземистой коренастой фигуре снайпера. Или и то и другое одновременно. Но, опять же, Дрей почему-то легко предположил, что второе преобладало. – Дай парню надежду, а нам возможность заработать. Ты что, на принцип что ли пошел?

– Все будет, как я сказал, – оборвал стрелка атаман. – Первый бой я вам обещал, дальше – каждый за себя. Парня мы подготовим, но не выглядит он бойцом. Бегает быстро, и всего-то... На арене много не побегаешь.

– Подготовьте меня. Правила, кто чего стоит из соперников... Все, что знаете.

– Правила тебе и без нас расскажут, – неторопливо ответил Хаммер. И тут же прервал мысль, отдавая распоряжение: – Снимите его с носилок, нижние кандалы немного ослабить, пусть сам дальше топает, по дороге мы просветим этого навозника. Но идти ему придется самому. И чтобы дуло было у его затылка все время, а то больно прыткий.

– Так вот, – продолжил Хаммер, когда отряд двинулся дальше, – прежде всего, молодой и наивный экзо, запомни главное – на арене нет соперников, на арене только враги.

И экзо начал запоминать.

Так как речь толстяка была излишне, даже нарочито нетороплива, мысли Дрея все время уводило в сторону. Он запоминал, сравнивал свои возможности и силы бойцов второго и третьего круга, прикидывал, как лучше построить бой с каждым из них. Но все это не позволяло ему достаточно загрузить мозг, чтобы мысли раз за разом, бесконтрольно, не отклонялись от непривычной для них прямой стези и не начинали суматошно скакать по проторенным узким тропинкам воспоминаний.

Память. То место, куда он заглядывать не любил, но, как и многие другие, проводил в нем чересчур много времени. Дороги памяти слишком протоптаны, слишком удобны для ходьбы, сойти с них непросто. Чуть поставишь ногу в сторону, на нехоженую землю, сделаешь несколько шагов, – как вдруг оказывается, что ты вновь идешь по знакомой тропинке «было».

Сложнейшие, непонятные, а поэтому почти колдовские связи миллионов нейронов в его голове строили загадочные ассоциативные цепочки. Подчиняясь неведомой логике, используя в качестве запала любое слово, любой самый незначительный жест, разом перепрыгивая сквозь пространство и время, они заставляли экзо неожиданно вспоминать те события, о которых, казалось, давно можно было забыть.

Но оказывалось, что забыть что-либо невозможно. Можно похоронить воспоминания под пластами свежих событий, задвинуть их в самый дальний угол самой темной комнаты, но забыть их невозможно. В любой, даже самый неподходящий момент течение ассоциаций выносит, вымывает их на поверхность, заставляя вновь и вновь возвращаться к прошлому.

Его родители не были уникальными. Тихие люди, старающиеся, как и многие вокруг, жить незаметно. Неплохой подход во времена, когда теоретическое бессмертие любой особи человеческого рода сталкивалось с практической резней на каждом шагу. Геноцид, растянутый на столетие.

В этой тихой и неприметной жизни у них было не так много событий, которые стоили бы запоминания. Первым из них стало рождение Дрея.

Даже сейчас, когда все немного успокоилось, живым рождался один из двух детей. В момент, когда новорожденный экзо появился на свет, вероятность выжить у него составляла один к десяти.

В колониях нано ситуация с детской смертностью была не лучше, хотя причины у каждого вида были общими лишь частично.

При появлении на свет юного экзо поджидала повышенная радиация. Радиационный фон, который губил плод зачастую еще в утробе матери. А если не губил, то на свет появлялись монстры, неспособные прожить без внешней помощи и нескольких минут. В нынешние времена такой помощи было не дожидаться. Кое-где, в крупных поселениях, можно было найти более или менее оборудованные медицинские лаборатории, но и в них занимались только теми, кто имел хорошие шансы на выживание. Биоэтика в действии. Когда грамотная медицинская помощь достается единицам новорожденных, остальным приходится выживать самостоятельно. Каждый пятый не проходил тест.

Говорили, что сразу после смуты выживал вообще только один из сотни младенцев, хотя медицинского оборудования тогда было не в пример больше.

Вторым фактором, губящим и экзо, и нано, были вирусные инфекции. Человек, в оригинальном его состоянии просто не был способен справиться с таким враждебным окружением, что предлагала при его появлении сегодняшняя Земля. Шесть из десяти погибало от болезней в течение недели.

Дальше у каждого вида была своя беда. Несовместимость модифицированных генов родителей-экзо, а иногда и их предков, надежно добивала еще одного из десяти. Выживал один. Одним из десяти оказался Андрей. Дрей.

В течение первого года жизни погибал еще каждый третий ребенок. Хотя с этим и сейчас ситуация несколько не улучшилась. Дети почти перестали погибать от радиации и инфекций во младенчестве – один из трех. Еще один из трех погибал от все той же несовместимости. Многие считали, что это свет в конце туннеля, то, что сейчас выживает хотя бы каждый третий младенец.

Но пессимисты утверждают, что состояние генетической разобщенности человеческого рода, пусть даже только его половины – экзо – может резко ухудшиться, и тогда эре экзо придет конец.

К таким пессимистам, конечно, относились все нано.

Он был первенцем. И единственным ребенком в семье. Ему исполнилось шесть, когда лихорадка Л18 накрыла район, распространяясь быстрее, чем поселки и деревни успевали закрывать ворота от пришельцев. Переносчиками были не только люди, но и насекомые, и это довершило дело. Треть взрослых экзо погибло до того, как выработали антитела. В районах нано умер каждый четвертый.

Нано говорили, что это проделки экзо. Хотя потом пришел грипп «антидогмат». Пришел веером, мутируя в среднем раз в два дня. Получился не просто грипп, а целый букет болезней, обрушившихся на людей. Организм просто не успевал реагировать. Нано-роботы не успевали прийти на подмогу лейкоцитам. Погибло половина нано в местах их компактного проживания. Чуть меньше в глухих деревнях. Выжил один из десяти экзо. К счастью, грипп быстро сошел на нет, в основном, за счет полной изоляции поселений в момент начала карантина.

Экзо говорили, что это оружие возмездия нано. Только мальчику экзо в то время было все равно. Шестилетний пытался выжить. Хутор из трех дворов вымер полностью, и с этого момента он был предоставлен самому себе. Тогда он не думал о родителях. И еще долго не вспоминал о них, были дела поважнее. Например, выживание. Самое большее, что он мог сделать для своей семьи и для соседей, это поджечь каждый дом, каждую постройку на хуторе, чтобы не оставлять тела людей гнить и превращаться в прах. Это был хороший погребальный костер.

В те минуты, когда он шел между домами, аккуратно поджигая все, что могло гореть, его не волновало, что он останется без крыши над головой. Что завтра ему, возможно, будет нечего есть. Все равно он знал, что не сможет жить в доме, где на кровати, как будто обнявшись, лежали его мертвые родители.

И как только зарница от пожара исчезла за вершинами деревьев, он забыл. Забыл родителей, забыл детство. Зато, неожиданно, он вспоминал о них сейчас. Память – странная штука.

– В первом бою тебе подсунут нано. – Реальность в виде голоса Хаммера выдернула его из воспоминаний. – Так всегда делают, чтобы было веселее. Экзо против нано – классический бой. Кого-нибудь из городской молодежи. Это у нас так посвящают в мужчины, ты понимаешь. Много юнцов желает поскорее стать взрослыми и рвется разделаться с кем-нибудь на арене.

Хаммер вздохнул. Дрей вскинул голову, посмотрев на лидера группы, ощутив в этом вздохе странные нотки.

– У меня у самого сына скоро на арену, – ничуть не смущаясь, пояснил Хаммер. – Но, видишь ли, среди этих молокососов считается наиболее крутым драться не до победы, а до смерти. По правилам арены до смерти бои идут только с пришельцами. Неважно с кем – с отребьем вроде тебя, случайно выловленным на окраинах, или с профессиональными бойцами, которые приходят в город специально, чтобы выйти на арену и получить приз.

Хаммер сжал кулак и приподнял его, как будто собирался прямо здесь придушить отсутствующего сына:

– Я своему недорослю этого не позволю! Пусть по простому выйдет и расквасит нос какому-нибудь нано, и концы у крайней хаты. А будет дергаться на навозников – сам придавлю. После двух трупиков старуха выдавила его на свет не для того, чтобы он подставлял свою башку на арене.

Экзо молча кивнул. Но спросил о другом, стараясь не уходить глубже в тему, которая была для Хаммера явно не самой приятной:

– Экзо живут вместе с нано?

– Это город, навозник. Мы – центр культуры и цивилизации. Нам до фени ваши пред-
рассудки и правила. Если ты живешь в городе, то должен быть терпим к другим. Это – правило
номер один.

– Судя по всему, есть еще и правило номер два?

– Конечно, – важно кивнул Хаммер, – конечно есть.

Сделав театральную паузу, он добавил:

– Правило номер два: хороший навозник – мертвый навозник.

Люди Хаммера с готовностью заржали. Эту шутку они слышали уже не раз и лишь ждали
момента, чтобы поиздеваться над пленником.

К их глубокому сожалению, Дрей не слишком огорчился предлагаемой перспективе.
Вместо этого он задал вопрос, который волновал его больше всего:

– И что, есть дети?

Поначалу Хаммер не сообразил, о чем спрашивает пришелец. Но когда понял, то побаг-
ровел от гнева, подскочил к беззащитному пленнику и выплюнул слова прямо ему в лицо:

– Ты совсем охренел, навозник? За такие прогонки мы ведь можем тебя прямо здесь
на куски разделать. Культура культурой, но можешь ведь и языка запросто лишиться. На арену
тебя можно выпустить и немym.

Постепенно успокаиваясь, он встряхнул головой, и вновь начал входить в обычный иро-
нический тон:

– Надо же ляпнуть, а? – Хаммер обвел глазами своих людей – Дети?! Да если я хоть
увиджу, что мой парень подойдет к шлюхе-нано ближе чем на метр, то я его собственноручно
оскоплю, как Давид Голиафа. Правильно я говорю, парни? Такие вещи допускать нельзя.

Парни одобрительно загудели. Пару примечаний от нано насчет того, что не надо вот так
уж всех их женщин называть шлюхами, потонули в общем хоре.

– Ладно, закрой пасть и молчи как рыба об лед. И слушай дальше, а то не так далеко
идти осталось...

Они были где-то в центре мурашника. Перед тем, как начать проникновение, Дрей долго
изучал все найденные карты. К сожалению, он совершенно не планировал заходить так глубоко
в каменные джунгли, поэтому сейчас с трудом представлял свое точное местоположение.

Хаммер и его люди вели доставщика к небольшому двухэтажному особняку, сто-
явшему недалеко от проспекта. Две дороги, разделенные посередине полосой деревьев.
На этом, небольшом участке мурашника оказалось неожиданно чисто. Был убран весь мусор,
все обломки. Похоже, что пара зданий по соседству обвалилось полностью. Но и от них оста-
лись лишь воспоминания – все обломки были куда-то вытащены.

Более того, в этом месте наводили порядок регулярно. Асфальт подметен, выбоины акку-
ратно заполнены свежим нано-материалом. Этот асфальт, с возможностями самовосстановле-
ния, был изобретен незадолго до десятилетия смут. Считалось, что дороги из него должны
быть вечными. Дрею не раз пришлось убедиться, что это не так. Хотя кое-где нано-асфальт
еще пытался поддержать идеальное дорожное покрытие, но в большинстве мест он давно уже
сдался под натиском времени.

Мурашник был полон сюрпризов. Не случайно, несмотря на все опасности, он постоянно
притягивал к себе авантюристов. На самовосстанавливающийся асфальт, понятно, мало бы
кто позарился, но Дрей не сомневался, что среди полуразрушенных домов было скрыто еще
немало интересного и помимо мечты дорожного строителя.

Хаммер, уже минут десять хранивший молчание, тихо сказал:

– Сейчас тебя покажут мэру. Он весьма дружелюбен, но ты сильно губу не раскатывай
и не смотри, что наш избранник обходителен в общении. Надо будет, он тебе лично хребет

переломает, продолжая при этом улыбаться. Так что води себя правильно. А лучше вообще помалкивай. И помни, что я тебе рассказал. Понял?

Дрей молча кивнул. Они зашли в двухстворчатые деревянные двери, которые охранники, стоявшие снаружи, почти что вежливо распахнули перед ними. Взгляды охранников не принесли доставщику приятных новостей. Они как будто говорили – вот, еще одного бычка на убой привели.

Дрей впервые в своей жизни увидел галстук на человеке. Конечно, галстуков на дозакатных фотографиях он видел немало. Пару раз ему приходилось даже вживую подержать ленты шелковой материи с этим названием. Один раз Дрей имел возможность наблюдать новогоднюю елку, на которой несколько таких лент ярких расцветок были развешаны вместо гирлянд.

Этот галстук был темно-синим, в аккуратную косую полоску. И использовался по его изначальному предназначению – он был слегка небрежно завязан на шее. Дрей прямо залюбовался, очень уж шел мэру этот атрибут его власти. Очень удачно он был подобран к светло-синей рубашке, тоже в неброскую полоску.

Сам представитель местной власти доставщику понравился не очень. Нормальный вроде мужик лет за сорок. Высокий, подтянутый, со слегка хищными чертами лица. Но очень уж не вязался со всем его внешним видом бегающий взгляд. Даже не бегающий – прыгающий, останавливающийся в одной точке лишь на мгновение и тут же дергающийся на новое место. Иногда движения зрачков оказывалось недостаточно, и мэр двигал голову, чтобы остановить взгляд на новой точке ради одному ему известных целей. А может, и неизвестных, может, это была просто плохая привычка.

Мэр был экзо. Не то, чтобы это сильно обрадовало Дрея, но все таки... На пару мелких поблажек можно было рассчитывать. Допустим, бить все равно будут, но не будут увечить. Что-нибудь в таком духе.

– Ты кто, *Amigo*? – спросил властелин мурашника с ходу. Дрей еще пересекал просторный кабинет, единственным предметом обстановки которого был достаточно большой стол темного дерева. За ним, в кожаном кресле с высокой спинкой, сидел его нынешний собеседник.

Дрей ответил не сразу. Сначала дошел до той незримой точки, у которой его придержали за локти дюжие охранники, оба нано, как ни странно. Этот лишний десяток шагов ему понадобились, чтобы просто понять, о чем его спрашивают. Он так до конца и не был уверен, в чем суть вопроса, но нужно было что-то отвечать.

– Я доставщик. У меня заказ, надо кое-что клиенту добыть на западе города.

– Тогда тебе повезло, что мы тебя перехватили. *Afortunado*. У нас здесь хоть цивилизация, все культурно, без всяких там выкрутасов. А на западе у нас отморозки, их даже я не контролирую, своя власть. Там бы тебя живьем сожрали, и косточки бы не стали выплевывать. *Ogro, ogro verdadero*.

– Каннибалы? Это правда?

– Я всегда говорю правду. За это меня здесь и уважают! У них на западе никакого порядка, делают что хотят, моих людей почем зря гробят. Ну ничего, еще годик другой, я их к рукам приберу... Для наведения порядка, конечно. – Тут же поспешил добавить мэр. – Там тоже люди живут. Им нужна цивилизованная власть. Чтобы спокойствие, чтобы все работали и наслаждались благами развитого общества. *Régimen existente* меня совсем не устраивает.

Дрей промолчал, но градоначальнику особо собеседник и не требовался. Десяток подчиненных, важно стоящих вдоль стен, внимали мудрости. И мэр вещал, в основном, для них.

– Мы тут многого добились. У нас порядок. Еды у всех вдоволь. Экзо и нано живут душа в душу. Развлечения есть, мы же все-таки крупный город, как-никак. Народу ведь всегда что нужно? Хлеба и зрелищ. *Basta!*

Мэр поднялся из-за стола и начал неторопливо прохаживаться по комнате, развивая тему, которая явно была его любимой.

– Сейчас еще немного в городе разберемся и будем думать, как объединить под знаменами новой власти окрестных навозников. Хватит им уже прозябать в нищете и невежестве.

Дрей все же не выдержал:

– А если они будут не очень на это согласны?

– *Peso de lider*. Тебе не понять. Меня поймут будущие поколения. Большое и сильное государство невозможно без насильственного объединения на начальном этапе. А бойцы у меня – лучшие. Не просто лучшие, а самые верные. И не потому, что я такой хороший, а потому что у нас порядок! Люди любят порядок. Каждый знает, что я от него жду. И знает, что за это получит.

Где-то сзади кашлянул Хаммер. Взгляд мэра тут же «прыгнул» в ту сторону.

– Да, кстати, по поводу награды. Хаммер, ты и твои люди молодцы. *Es un guapo verdadero*. Зайди прямо сейчас в хранилище, выдадут все обещанное, я уже распорядился. Побольше бы таких исполнительных командиров, как ты, давно бы уже вся округа вернулась к цивилизации. И на западе всех бы покрошили в мелкий винегрет. Кстати, Хаммер, не хочешь этим заняться?

– Я бы не против, господин мэр, – неуверенно откликнулся Хаммер. – Людей вот маловато, положим же всех, кто за порядком следить будет?

– Ну смотри, поговорим еще. Дело *merecer la atención*.

Взгляд мэра прыгнул на лицо Дрея:

– Значит, нарушил ты наши границы. Пытался тайком пробраться на суверенную территорию и изъять ценности, принадлежащие нам по праву. *Delincuente*. Хорошо хоть, сам признался... – Мэр с крайне задумчивым видом забарабанил пальцами по столу.

Если бы Дрей не пообещался заблаговременно с боевиками мурашей, он мог бы всерьез поверить, что сейчас решается его дальнейшая судьба. Но, так как его успели слегка просветить о возможных вариантах наказания, то ему было даже слегка смешно. Наказание было одно.

– Ладно, – мэр решительно хлопнул по столу. – На первый раз простим, я думаю. Ты же не рецидивист, раньше на нашу территорию не залезал. Да и человек, я вижу, хороший. Поступим так: выступишь на наших гладиаторских боях. Выиграешь – да и дело с концом. Проиграешь – ну не судьба значит тебе.

– А что будет, если я выиграю? – невинно поинтересовался Дрей. – Отпустите?

– Выиграешь первый бой, получишь право на второй. Во втором бое участвуют претенденты на профи. Это значит, что если выиграешь второй бой, то станешь профессиональным гладиатором. А это почет, это уважение, *muchachos bonitas* и прочие прелести во всевозможном виде. – Взгляд мэра вновь остановился на Дрее, на этот раз дольше обычного. После чего градоначальник подмигнул пленнику, и тут же его внимание опять усакало куда-то дальше.

Подмигивание было многообещающим. Мэр давал понять, что Дрей скоро будет купаться в роскоши, менять женщин как перчатки и остальное, что он сам себе придумает. И для того, чтобы получить все это, нужно закрыть лишь пару формальностей – выиграть два смертельных поединка.

– Мы любим, чтобы на арене бои были честные. – Голос испано-говорящего стал деловитым. – Поэтому ты должен честно нам рассказать обо всех боевых мутациях и геммах, которые у тебя есть. Расскажешь, или мне придется отправлять тебя на полный тест? К сожалению, у нас оборудование слегка *ser anticuado*, поэтому процедура может быть немного болезненной. Но я повторю – бои у нас честные. Никто не узнает о твоей карте, кроме организаторов. Нам ведь надо подобрать тебе достойного соперника. Так как?

Не то чтобы Дрей боялся болезненности процедуры, равно как он мало верил в то, что его генная карта останется тайной, однако у него были свои причины, чтобы не проходить тестирование. Причины достаточно веские. Да и Хаммер предупреждал, что рассказать о своих гем-

мах стоит сразу – единственная возможность скрыть ряд приятных дополнений от будущих соперников.

– Конечно, раз вы говорите, что это останется между нами... – Начал Дрей, – значит из мутаций, относящихся к делу: нервный ускоритель три и четверть, «Геракл», «Стайер», «Лихорадка»...

– Базовая «лихорадка»? На сколько хватает ускорения?

– Минуты на две, хотя я как-то стараюсь ей не пользоваться, сами понимаете.

– Да, понимаю, ощущения потом неприятные. А как сдерживаешь? Если это мутация?

– Как-то научился держать себя в руках. Химия, сами понимаете. Не будешь дергаться, лихорадка не начнется.

– Согласен. Ладно, *proseguir*.

– «Веретено» – это улучшение вестибулярного аппарата, один из подвидов «центрифуги». «Четыре пробирки стихий». Стандартный модификатор ядов, хотя я не уверен, насколько это нужно.

– Не нужно, не нужно, у нас честные поединки, я же сказал. Еще что-нибудь?

– Не знаю даже. – Дрей сделал вид, что глубоко задумался. – Вроде все. Остальное я уже сам догнал.

– Ну ладно, поверим. И что там у тебя с геммами?

– «Набор путника», «Вортекс», «Кулак бога», «Тварь преисподней», «Ассимилятор», «Экзо» в вариантах два и четыре сигма, «Оракул» и «Бастард богов», «День защиты», «Тень-два», «Обитель зверя». Все. Прочие мелочи к делу не относятся.

Это было далеко не все, но и перечисленного хватило. Прихвостни мэра вдоль стены зашевелились, мэр довольно ухмыльнулся. Дрей подумал было упомянуть еще что-нибудь, чтобы добить их окончательно, хотя бы гемм «Кассир Харона». Но все же сдержался.

– *Impresionar*. – Мэр закивал, – очень впечатляет. А «Обитель зверя» – это что вообще?

– Рывковое увеличение мышечного усилия. Какие-то там модификаторы гормонов в кровь вбрасываются. – Дрей слегка лукавил. Он точно знал, какие вариации гормонов синтезируются его организмом. Но показывать себя слишком большим умником в этой аудитории как-то не хотелось.

– И что, все постоянное?

– Нет, не все. «Тень» подсунули негодную. Сначала чуть не сдох после инъекции. Потом оказалось, что мутация нестабильна и выветривается. Хотя, может оно и к лучшему.

– Ладно, подберем тебе достойного нано. У нас молодежь, знаешь, тоже хорошо прокачана. Будет интересно, и народу удовольствие. Народу нужны зрелища. И мы эти зрелища народу даем. Так что давай, не подведи меня. – Говоря это, мэр впервые подошел к Дрею. Только для того, чтобы похлопать его по плечу. Аудиенция была закончена.

Клетушка, в которой «поселили» будущего гладиатора, изящным убранством похвастаться не могла. Дрею было все равно. Койка присутствовала, да и ладно. Он улегся и тут же уснул. День выдался тяжелым, и ему хотелось хотя бы немного восстановить форму до выхода на арену. Может быть предстояла встреча с сосунками, всего лишь молодыми неопытными нано. Но эти сосунки только и делали, что развлекались в драках, так что недооценивать их не стоило. Тем более, когда бои проходят по весьма упрощенной олимпийской системе – либо выигрываешь, либо труп.

Дрей не хотел, чтобы завтра с арены вынесли труп экзо.

За всю ночь он проснулся один раз, под утро. Просто приоткрыл глаза, когда тихо отворилась дверь. Это был Хаммер. В одной лапище он держал пластиковый поднос с едой. Каким образом ему удалось наняться на должность разносчика пищи, доставщик интересоваться не стал.

– Ты, дятел, – тихо сквозь зубы зашипел толстяк, поставив поднос и наклонившись к самому уху экзо. – Я же как маму тебя просил, не трепись. Зачем ты куковать начал, тетерев? Все геммы сдал! Действительно надеешься, что информация не расползется? Совсем больной на голову? Как младшим родился, так дураком и помрешь.

– Не все, – коротко ответил Дрей. Этого оказалось достаточно. Зрочки Хаммера сузились, показывая сосредоточенную работу мысли. Он достаточно быстро осознал сказанное, и развивать тему не стал. Заговорил о другом:

– Короче, ты влип, навозник. Влип конкретно. У одного из советников мэра сыночек как раз «на выданье». Он заставил папашу записать себя на сегодняшний бой. Папаша был против, особенно после того, как вчера узнал о твоём внушительном наборе, но сыночек уперся. Но папочка ведь не хочет смерти мальчика. А условия поединка завтра простые – с арены выходит один, второго выносят прямиком на запчасти и вытяжки.

– И что?

– Ты знаешь, что такое советники мэра? У них власти в городе ненамного меньше, чем у Самого. И возможностей тоже, не все у нас мэр решает. Поэтому считай себя ходячим трупом. Если ты грохнешь сыночка советника, то не доживешь даже до второго боя. Такого тебе не простят. Тупик. Проиграешь – труп, выиграешь – тоже труп. Не выкрутишься. Плакал мой выигрыш.

– Ладно, придумаю что-нибудь, – нарочито лениво и спокойно сказал Дрей. Идей у него пока не было, но Хаммера хотелось успокоить. В конце концов, это был единственный человек, который взял его сторону, хоть и по своим причинам.

– Да и выиграть тебе тоже будет нелегко. Сыночка накачали новыми цацками. По всему твоему списку встречные меры приняли. Парень и так был не слабенький, а на сегодня он вообще монстр. Однодневные культуры запрещены перед такими боями, но никто не будет перечить советнику мэра, никто даже не вякнет. Так что, возможно, твоя первая проблема даже и не возникнет.

– Не волнуйся. – Дрей оставался подчеркнуто спокойным. – Наш уговор в силе. Ставь на меня, только больше выиграешь, вот и вся разница. И... спасибо за информацию.

– Не за что. Не выиграешь хотя бы этот бой, я тебя сам за проигранную ставку грохну. Я три ампулы вечных кровавых пловцов поставил, с возможностью регенерации. Все, что было. И плазмидный вариант «мании Гейгера».

– Вечный?

– Нет, мутировавший. На год хватит, не больше. Потом выветривается.

– Жаль, я бы взял.

– Ты выиграй сначала, потом поговорим. За вечный тебе не один десяток боев надо пройти.

– Ладно, потом так потом. Еще раз спасибо.

Место, названное ареной, навевало весьма мрачные ощущения. Возможно, зрителям так не казалось. Возможно, для местных все было как раз наоборот – для них это место было связано с одним из немногих «достойных» развлечений, существующих в мурашнике. Но у Дрея настроение было препаршивое.

Толстые стальные прутья, поднимающиеся на несколько метров вверх и резко сходящиеся под потолком. Их грубо приваренные поперечные собраты, делающие каркас практически непреодолимым. Путь были такие, что сразу же возникал вопрос – какие титаны должны были бороться внутри, на ринге. Такую клетку даже бульдозером было сразу не взять.

Как полагается, две двери, оформленные полностью под интерьер, – для торжественного вступления на арену гладиаторов. Итого – круглая площадка радиусом не более пяти метров. Входят двое, выходит один. Вот и все правила, как их понял Дрей.

И зрители, ожидающие развлечения, лучшего развлечения в этом городе. Мэр был прав, для сохранения личной власти он давал этим людям основное – хлеб и зрелища. Со зрелищами, похоже, была некоторая напряженка, раз непроверенный боец выставлялся на ринг против неоперившегося юнца, который должен был отстаивать свое право называться мужчиной.

Либо советник мэра не был уверен в эффективности краткосрочных нано-культур, либо он слишком сильно обожал своего отпрыска. Но он решил убедиться в том, что выскочка-навозник знает, чем рискует. В принципе, сомнения в пользе от только что введенных в организм роботов Дрей готов был полностью разделить. В таких случаях важна сыгранность. Самого себя с собственным телом. А за день управлять новыми возможностями не научишься. Вот подрастерять бразды правления над тем, что у тебя уже есть – это да, это более вероятно. Хотя делиться с кем-либо своим мнением на этот счет Дрей, в общем то, в текущий момент не планировал.

На место представления Дрея вели четыре охранника. Вели закованного в ручные и ножные кандалы, как какого-то заключенного прошлой эпохи. Ему приходилось семенить, и выглядел он слегка смешно. Во всяком случае, ему хотелось усмехнуться. Он и усмехался, про себя, надо же было хоть чем-нибудь заняться.

Как раз этих охранников небрежно отодвинули в сторону несколько откровенных громил, ярко выраженных нано, до такой степени нагруженных модуляторами, что Дрей готов был поспорить, что даже в их моче нано-роботов больше, чем у среднего обывателя в крови.

Дрей увидел знакомое лицо и быстро сообразил, что к чему. Удивился. Оказывается, даже у советников мэра есть личные телохранители? Странная все-таки жизнь у них здесь, в мурашнике.

Не обращая внимания ни на охранников, ни на своих телохранителей, советник подошел вплотную к Дрею.

– Если ты еще не знаешь, навозная крыса. – Голос был ровным и лишенным каких-либо интонаций. – С тобой на арену выйдет мой сын. Если с ним что-нибудь случится, то твоя смерть будет долгой, мучительной, и очень, очень болезненной. Советую тебе сдохнуть на арене.

Советник отодвинулся, повернулся, и зашагал прочь. Охраняющие его контейнера для нано-ботов двинулись следом. Ни одной эмоции, ни одного жеста, полное отсутствие мимики. Подошел, сообщил, ушел. Советник был опасной фигурой. И Дрей не сомневался, что свое обещание он сдержит. Хотя это мало что меняло.

Оставшуюся часть пути доставщик размышлял, что же все-таки было основой подобного отсутствия эмоций у советника – высокий самоконтроль человека с сильной волей или все же не обошлось без популярной, хоть и в очень узких кругах, нано-культуры «фарфоровый душитель». Полное подавление эмоций, причем необратимое, в наследственном варианте не существует.

Его расковали прямо на арене, вначале заперев дверь, через которую он прошел. Во всем этом было мало целесообразности – куда он мог деться, когда кругом было такое количество враждебно настроенных мурашей, немалая часть которых, судя по внешнему виду и наличию оружия, считала себя бойцами.

Зато в этом было много театральности. Злобный убийца, поедающий маленьких детей, схвачен и доставлен для справедливого суда. Сейчас вот еще судья выйдет, и объявит приговор. Было видно, что ставка Хаммера должна сыграть. Ведь никто всерьез не верил в выигрыш даже такого крутого чужака. Справедливость, как никак. Зло должно быть наказано. А уж зло, которое привели в клетку в кандалах, будет наказано наверняка.

Дрей почти ожидал чего-то в этом роде. Что сейчас встанет со своего места в ложе мэр и произнесет суровую проповедь о том, что преступление и наказание связаны неразрывно,

что враги не получают ни пяди их мурашника, что шпионы навозников будут выпалываться беспощадно...

Под приветственные крики на арену вышел сынок советника. Дрей смотрел на него равнодушно. Нужно было посмотреть, но сейчас ему больше хотелось услышать мэра.

Мэр ожиданий Дрея не оправдал. Тон хозяина города был радушный. А смысл его речи полностью отличался от того, что предполагал доставщик:

– Граждане города! Мои дорогие избиратели. Сегодня мы рады приветствовать на этом ринге двух бойцов. Сильнейших бойцов из многих, которых мы видели. Мне даже немного жаль, что один из них может умереть, но таковы наши правила и наши законы. Мы призываем сильных, чтобы защитить наше мирное существование. Мы призываем молодых. Мы призываем тех, чья воля – это наши идеалы, чьи сердца наполнены любовью к нашему народу.

Мэр сглотнул. По его щеке скатилась одинокая слеза. И закончил коротко, чтобы подчеркнуть торжественность момента:

– Пришла пора доказать, что вы можете быть достойны именоваться бойцами. Живыми или мертвыми.

Дрей вновь посмотрел на соперника. Из необычно оформленной речи мэра он понял одно – если мэр делал ставки на этот поединок, то он поставил именно на чужеземца.

Может быть, нано и был юнцом, но это был здоровый юнец. Мышца бугрились при малейшем усилии, явственно выступающие вены показывали, что с доставкой крови в нужные места тела тоже было все в порядке.

Время от времени нано чуть подергивал руками, как будто наслаждался видом своей мускулатуры. Дрей знал, что это не просто подергивание, не просто игра мышцами на публику. Базовый нано, что ни говори. С более продвинутыми колониями нано-роботов подобных проблем не возникало. Это подергивание означало накачивание отдельных частей тела нано – усилителями. Базовая хитрость. Дернешь так мышцами разок-другой и нано-боты, как фагоциты, сойдутся к одному месту, чтобы в нужный момент увеличить мышечное усилие в разы, может даже в десятки раз.

Одновременно подергивание значило, что рефлекс у парня именно базового нано. Слишком тривиально. Слишком предсказуемо. Возможно, сейчас противник был накачан более продвинутыми культурами. Но рефлекс есть рефлекс, их за день не поменяешь. А тело привыкло работать с унаследованными от папы и мамы ботами.

Ударили в гонг. Никаких объявлений, пожатий рук и настойчиво высказываемых пожеланий по поводу честного боя. Бой без правил. Тысячелетия прошли, а не поменялось ничего. Арена, гладиаторы, и зрители, жаждущие крови.

Боец был неплох. Даже со своими старыми ботами он справлялся весьма прилично, в чем Дрей убедился сразу, когда звон гонга еще не затих, еще вибрировал в воздухе. Противник одновременно, вернее, почти одновременно дернул мышцами левого бедра, потом правого, затем напрягся левый бицепс.

На правый бицепс Дрей посмотреть не успел – противник атаковал. Удар левой ногой, удар правой ногой, удар левой рукой. Предсказуемо, еще раз убедился Дрей, но, как ни странно, ничуть не менее опасно.

Нано бил красиво и эффективно. Никаких тебе задираний ног для демонстрации растяжки и открытия паха под встречный удар. Жесткие и короткие удары по коленям, бедрам, которые пришлось встречать жесткими блоками на голень. Больно, надо полагать, было обоим.

Скорее всего, нано-боты повысили болевой порог у противника. Дрей сознательно сдерживал использование геммы *SinDolor*. Не чувствовать боли – это хорошо, но слишком много побочных эффектов. Пока можно терпеть, лучше потерпеть. Поэтому сейчас в его крови буше-

вал обычный адреналин, позволяющий знать, что боль есть, но практически не обращать на нее внимания.

Третий удар, рукой, он пропустил. Сознательно пропустил. Удар был слишком слабый и излишне медленный. Удар был рассчитан на то, что на него успеют среагировать. Это была всего лишь начальная связка. Расчет на то, что Дрей начнет отступать, уклоняться и блокировать, позволяя своему противнику развернуть полную комбинацию.

Вместо этого нано получил два жестких столкновения голень о голень. А затем его кулак ударился в напряженившиеся мышцы груди экзо. Дрей шагнул навстречу, заставив комбинацию противника умереть в зародыше.

Дрею был нужен всего один удар, и он его сделал. После чего резко отскочил назад, изображая боль, страх и чуть ли не полное поражение.

Внешне удар выглядел как смазанный удар в челюсть, от которого нано успел уклониться. Поэтому кулак Дрея «промазал» чуть ниже ключицы. Но было еще кое-что. Короткое невидимое движение неудачно оттопырившегося большого пальца, ткнувшегося в лимфо – узел под челюстью противника. Для обычного человека – ничего страшного. Для экзо – ничего страшного. Для большинства из нано – тоже ничего страшного...

Нано пошел в повторное наступление. Сейчас нужен был спектакль, чтобы не разочаровать зрителей. Если зрители будут довольны, то будет доволен и мэр. Если будет доволен мэр, то сложнее будет хоть в чем-нибудь обвинить чужака.

Экзо прыгнул. Это был красивый маваши в прыжке. Эффектно выглядящий, легко принятый на предплечье противника. До головы Дрей, конечно, достал, но обычные зрители не могли знать, что головы он скорее коснулся, нежели ударил в полную силу – основной удар был принят рукой противника.

Волей-неволей и нано вовлекся в красивый обмен бессмысленными ударами. Сильными, мощными и бесполезными против мало-мальски опытного противника.

Для среднестатистического нано задетый лимфатический узел не означал бы ничего, но, судя по тому, что рассказал Хаммер и до чего Дрей додумался сам, была большая вероятность того, что этот юнец накачал себя нано – ботами одной из культур т-симуляторов. Скорее всего, внешними подобиями т-киллеров, что-нибудь вроде «тополиного пуха». Эти боты были великолепны для ускорения вывода из крови продуктов метаболизма и позволяли увеличивать выносливость бойца. Одна проблема, связанная со всеми роботами этого вида, подделками лимфоцитов, заключалась в том, что при резком механическом возбуждении лимфоузла их концентрация неоправданно возрастала, приводя к непродолжительной коме, крайне напоминающей смерть.

Дрей это знал. Потому что был любопытным. Сама по себе подобная информация несла мало практической пользы. Убить человека было значительно проще, чем правильно ударить по лимфоузлу нано. Но вот гляди-ка, и эти сведения пригодились.

Теперь он ждал, устраивая красочное шоу. Ждал, когда его удар в самом начале поединка принесет видимые результаты и можно будет эффектно завершить бой.

Это было балансирование на тонкой грани. Могло оказаться, что ни тополиного пуха, ни его аналогов у нано нет. Могло оказаться, что удар Дрея будет не псевдо, а по настоящему смертельным.

Выбор у него был небольшой. Просто убить противника было бы неразумно. Просто умереть на этом ринге самому? Не лучше.

Нано решил перевести бой в партер. Может, уже почувствовал слабость, возможно – просто предпочитал борьбу. Зато Дрей обниматься с противниками любил не очень, поэтому его удары стали резче и короче. Пусть слабее – зато меньше шансов, что противник успеет сделать захват.

К сожалению доставщика, в ограниченном пространстве крайне сложно удержать дистанцию. Крайне сложно избежать захвата. А как только захват сделан, дорога одна – к удушающим и болевым приемам. Дрей был уверен – что и те и другие не сильно-то действуют на переполненного ботами нано. Оставалось сразу ломать кости и суставы.

И захват был сделан. Нано, вместо того чтобы поставить очередной блок, принял удар корпусом и захватил руку Дрея. После чего тут же повалился на пол, увлекая за собой экзо.

Кисть оказалась заломлена, рука держалась на изломе суставов, шея – в удушающем захвате ногой. Крайне неудобная позиция для продолжения боя. Но опять же, излишне банальная, чтобы не суметь из нее выбраться.

Удар свободной рукой, удар почти из невозможного положения мыском босой стопы. Захват значительно ослаб, и Дрей тут же ужом освободился от удушающей шеи ноги, а затем, извернувшись неестественным, как могло показаться зрителям, образом высвободил и руку.

Еще мгновение – и он уже душил нано сгибом локтевого сустава. Занятие абсолютно бесполезное. Продавить накачанные мышцы нано таким захватом было нереально, а задушить – заняло бы несколько минут минимум, до того момента, когда нано начнет слабеть. Нереально, столько Дрею его было не удержать.

Да не больно-то и хотелось. Зато тянуть время на таких приемах было одно удовольствие. Что сейчас Дрею и требовалось.

В реальном времени бой длился не более десяти минут. Публика была счастлива. Публика орала, визжала, швыряла в решетку бутылками. Наиболее активные ее представители пытались пробраться на арену, чтобы помочь одному из гладиаторов.

В какой-то момент Дрей наконец почувствовал, что его оппонент существенно слабеет, сам того не понимая. Особенность сбоя ботов культур «тополиного пуха» в этом и заключалась – вроде ничего не чувствуешь, а потом неожиданно оказываешься в коме.

Надо было действовать, пока слабость противника не стала очевидна окружающим. Пришла пора эффектной концовки. Дрей высвободился из очередного захвата и вскочил на ноги.

Это было три удара, – из которых значимым был первый. Первый удар отправил противника в нокаут. Второй и третий были сделаны для виду, но зрителям должно было показаться, что именно они – смертельные.

Дыхание нано должно было почти остановиться. Пульс – замедлиться до предела. Конечно, это скоро обнаружат. Но не слишком быстро, чтобы попытаться привести лежащего в сознание и заставить Дрея его добить. Все соблюли лицо. Все довольны и никто не умер.

А если кто и останется недовольным, или что-то заподозрит – то Дрею было на это начинать. Мэр, возможно, был умным политиком, но убивать людей, чтобы позабавить зрителей и укрепить чью-то власть в мурашнике, доставщик не собирался.

Краем глаза он заметил, как на арену бросился советник мэра. Надо было дать ему возможность изобразить безутешного отца без необходимости проявлять актерский талант. Но экзо опасался, как бы советник не начал исполнять свои угрозы прямо сейчас.

Доставщик покачнулся, как будто теряя сознания, и неожиданно сделал пару неуверенных шагов в сторону, практически упав на ворвавшегося через открывающуюся дверь советника. На какие-то мгновения ухо политика оказалось прямо напротив губ Дрея.

И Дрей произнес, спокойно и негромко, без эмоций и без сбившегося дыхания, как будто не он только что провел на ринге трудный бой:

– Ваш сын жив, советник. В коме. Советую вам пока об этом помалкивать. А если захотите побыстрее поставить его на ноги, то обратитесь попозже ко мне. Ко мне живому. Боюсь, вам придется теперь меня очень беречь.

Почему бы немного и не поблефовать?

Первый бой Дрей выиграл. По все статьям.

Хаммер должен был быть доволен.

Глава третья. Улицы

Меня поддерживает уверенность в том, что жизнь имеет значение. Как и смерть.

Дин Кунц, «Сумеречный взгляд»

Логик подворотни. Просчет комбинаций в оперативном бое (рукопашная, рукопашная с холодным оружием, смешанная рукопашная с использованием огнестрельного оружия). В ряде случаев рекомендуется для ведения перестрелок на относительно близких дистанциях.

Использование наиболее эффективных комбинаций ударов, бросков, выстрелов и уклонений. В зависимости от подготовки носителя, его физических и особенно умственных способностей, а также наличия других геммов и мутаций (см. таблицу базовых комбинаций), носитель может осуществлять инстинктивный просчет комбинаций до десяти движений вперед. В ряде случаев до двадцати-двадцати пяти (не подтверждено).

Просчет боевых комбинаций учитывает действия союзников. В зависимости от психологического портрета носителя, это позволяет, в ряде случаев, эффективней использовать действия всей группы.

Теоретически управляемое срабатывание. Для полного управления необходимо, чтобы носитель имел нервный ускоритель (наследственно!) не менее чем на две целых четыре десятых.

Состояние после использования: тошнота, потеря сознания (75 % вероятности) на длительное, до нескольких часов, время. Летальный исход – в 5 % случаев. На уменьшение вероятности летального исхода, как ни странно, существенно влияет наличие наследственной мутации «Веретено» (см. соответствующий раздел). В 10 % случаев – временная глухота, в 15 % случаев – слепота, также временная.

Использование сыворотки «Феникс» базовой вариации позволяет существенно снизить негативные эффекты использования «Логика подворотни». Внимание: необходима инъекция не более чем через пять минут после потери сознания.

Все вышеизложенное означает, что наличие в группе бойца с описываемым геммом позволяет существенно повысить шансы группы на выживание. С другой стороны, мы не рекомендуем использование этого гемма бойцами-одиночками, ввиду практической невозможности защитить себя после завершения его действия.

Библия Экзо. Приложение 2 «Наши знания о геммах».

Указанный источник: предположительно – «лаборатория изучения современных биологических угроз и контроля мутаций», Саратов, 2011 год (д.з.)

Мэр произнес торжественную речь по поводу победы чужака. Торжественную, но не слишком вдохновляющую. И не слишком длинную. Мэр уже считал навозника трупом.

Даже его власть была ограничена. Хотя, скорее, он и не стал бы разменивать свои политические козыри ради человека со стороны, от которого не мог получить никаких дивидендов.

Каждый был сам за себя. Советник пока что проявил максимум заботы о ближнем. Он хотя бы беспокоился за свои родные гены, за выживание наследственных культур наноботов, или за что там должны беспокоиться нано.

Каждому было наплевать, выживет ли чужак, или сдохнет, как только исчезнет из поля зрения. Но ни на что другое Дрей и не рассчитывал. Ничего другого этот мир ему никогда и не предлагал. Или почти никогда.

Так повторялось каждую доставку. Расчет только на себя. Ни от кого не ждать помощи, ждать только неприятностей. Присказка о том, кто является самым опасным зверем в природе, приобрела ультимативное выражение. Опасней человека не было никого. Даже голого и без-

оружного человека, что уж говорить о мурашах, обвешанных средствами уничтожения себе подобных. Или о мэре, с его слегка съехавшими набекрень мозгами и неумейной жаждой власти.

Празднование его победы было недолгим. Может, для некоторых, особенно из команды Хаммера, оно и продолжится еще всю ночь, однако Дрея через десять минут вели обратно в его конуру.

За свое ближайшее светлое будущее Дрей был спокоен. Как только мэр поймет, что чужак ловко обманул всех, но при этом оставил в живых сыночка советника, дал возможность всем достойно выйти из ситуации, то все успокоится. На некоторое время уж точно.

Его вывели на улицу из той пародии на Колизей, в которой он только что сражался за свою жизнь. За жизнь, но не за свободу. Он снова был в жестких наручниках, хотя на этот раз стреноживать его не стали. Зачем? Он же должен был чувствовать себя победителем, перед которым открываются широкие горизонты. Перед которым скоро должны распахнуться все двери этого мурашника.

Это было парадоксально. Теперь он стал лучшим другом охранников. По-крайней мере, двоих из них. Двое остальных, похоже, ставили на сынка советника. Поэтому заводить дружбу с заключенным как-то не торопились и молча шагали позади. Зато заработавшие на бое нано шли с ним чуть ли не в обнимку.

Дрей не раз задумывался о корнях, о первопричинах вражды между экзо и нано. Кто-то на высоких постах, когда они еще существовали, специально стравил две «расы» между собой? Или это сработала извечная любовь людей сбиваться в стаи? Когда не с кем становилось сражаться, стая дробилась и находила «внутреннего врага». Не случайно же все более или менее сильные властители прошлого искали врага внешнего? Зачастую оказывалось, что им удавалось удержаться на грани мира и войны, одновременно избежав междоусобиц.

Домыслы, досужие рассуждения, которых Дрей, по большому счету, не любил. Конкретные дела, конкретные задания. И кровь людей на руках выглядит все равно как кровь, какие бы мотивы ни стояли за причинами ее появления.

Тем не менее, вражда экзо и нано не угасала. Только притухала, готовая в любой момент вспыхнуть с новой силой. Откуда бы ни бралась ее истоки. Пока все, к чему два подвида сумели прийти – это расселиться по разным местам, пятнами раскиданным по карте. Расселиться, изжить друг друга. Победить в одном месте, быть подвергнутым геноциду в другом. Приспособиться к местной радиации, вирусам и составу воды в одном ареале. И оказаться сметенными непрерывно мутирующими вирусами или просто отравленными тяжелыми металлами в другом.

И откуда бы эта вражда ни взялась, ей успешно пользовались все местные царьки, которых Дрей успел увидеть. Вот и сейчас его, экзо, вели под конвоем не кто-нибудь, а четверо нано. И как бы то ни было, но даже в эйфории полученного выигрыша ни о какой услуге у них просить не стоило.

Сейчас места хватало. Множество территорий вообще не были заполнены. Дрей знал очень много мест, о которых ходили только смутные слухи и легенды, включающие в себя байки про оборотней, зомби и вампиров.

Сознание альтруистов слегка параноидальное. Даже если альтруисты они тайные и тщательно маскирующиеся. Решающим для Дрея стало то, что двое нано, идущие от него по бокам и весело обсуждающие, на что потратят немеряный выигрыш, его, этот выигрыш, уже получили. Успели обернуться до того, как их подрядили отвести навозника обратно в его клетушку.

Они и легли первыми. Руки его были скованы за спиной, поэтому бил он ногами. Того, что шел слева, он положил ударом в бедро, настолько сильным, что не ожидавший нападения нано на некоторое время отключился от болевого шока.

Второй нано, охранявший его справа, получил в лоб пяткой той же ноги, вернувшейся на обратном движении от бедра первого. Чуть бы ниже, и его переносица просто вошла бы в мозг, но убивать не хотелось.

Двое сзади. Доставщику повезло – они подошли слишком близко, значительно ближе, чем им бы следовало. И не держали оружие под рукой. Эти двое могли очень сильно не любить залетного навозника, но и они не представляли, что он попытается бежать после только что выигранного боя. И совершить эту попытку в самом центре обжитой части мурашника.

Дрей прыгнул, вверх и вперед. Прямо в прыжке достал ногой следующего и успел просто повалиться на последнего.

Четверо нано лежали на земле. Тот, что был под ним, еще шевелился, но его короткоствольный АКС74-У был до этого у него за спиной. А теперь, соответственно, под ней.

Дрей успел взглянуть в расширившиеся зрачки нано. И ударил лбом, на этот раз по переносице.

Теперь все четверо не шевелились. Еще мгновения ушли на то, чтобы найти ключи от наручников, убедиться, что все четверо полежат еще какое-то время, собрать оружие. Вернее, подобрать оружие по вкусу.

Экзо огляделся. Время оказалось выбранным очень удачно. Мало того, что никто из мурашей и подумать не мог, что узник решится на побег именно сейчас, так еще большинство из них все еще было около арены – делились впечатлениями, получали заработанные призы, с руганью прощались с проигранным.

Улицы вымерли. Не то, чтобы и раньше на них народ прогуливался толпами, но сейчас не было вообще ни души.

Дрей взглянул на четыре неподвижных тела и быстро оценил варианты. Решил, что прятать и связывать своих незадачливых охранников не будет. Возни много, а выигрыша по времени, скорее всего, не очень.

И отправился на восток.

Ему не хотелось терять рюкзак. Его содержимое слегка превосходило размер возможной премии за текущую доставку. Дрей был не уверен, что сумеет вообще осуществить эту доставку без рюкзака. Плюс, он справедливо полагал, что здесь, в мурашнике, не зарекомендовал себя полным идиотом. Подумать, что он двинется в обратную сторону, туда, где его совсем недавно поймали, местные власти, конечно, могли. Но только в том случае, если считали бы его невменяемым.

Так что теперь он снова бежал. Обжитые кварталы закончились очень быстро. Если их можно было назвать обжитыми.

Достаточно быстро он снова попал на улицы, заваленные мусором, забитые ржавыми остовами автомобилей и, иногда, кусками бетона. Здания были не вечные. Они уже начинали разрушаться. Весь мурашник рано или поздно должен был превратиться в один большой курган, и вряд ли этот процесс смогут остановить мураши, даже с самым хитроумным мэром, какого сумеют найти.

Это было похоже на росток, пробивающийся из пыльной и бесплодной земли. Развалины города, мурашника – и в нем выживало новое поколение людей. Почти чудо. Города не останется, но останутся нано, останутся экзо. Останутся их потомки, приспособленные к жизни в любых условиях, при любой радиации. Способные терпеть жару, спать в снегу, не дышать под водой по полчаса. Что еще? Доставщик не знал.

Так и не обнаружив признаков погони за спиной, Дрей позволил себе слегка сбавить темп. Он неплохо представлял себе дорогу, но все равно – до нужного ему места несколько часов легкого бега. А если соблюдать хоть какую-то осторожность, то даже больше.

Вполне могло оказаться, что группы наружного охранения дежурят на подходах к мурашнику непрерывно. Дрей не нравилась идея вновь предстать перед очами мэра. Поэтому осторожность не повредит.

Рюкзак валялся ровно там, куда он его закинул. Это было хорошо.

Дрей не остановился. Не присел передохнуть, отметить прохождение промежуточного рубежа.

Дрей не останавливался. То, что ему удалось сохранить походные вещи, было большой удачей, и он улыбался, но не останавливался.

Именно так, с широкой ухмылкой, выглядящей очень глупо с учетом его полного одиночества на текущий момент, он развернулся и вновь побежал. Теперь уже в противоположную сторону.

Хотя, если задуматься, то почему человек, улыбающийся в полном одиночестве, должен выглядеть глупо? Это неправильно, он не может выглядеть глупо хотя бы потому, что некому назвать его глупым. Улыбаться, когда ты один – самое удовольствие, которое никто не может испортить. И Дрей этим всю пользовался.

Он вновь бежал, не переставая улыбаться. Повышенная радиация за западными границами города. По словам мэра, людоеды примерно в том районе, где ему необходимо было найти товар. Толпа из центра города, в эти самые мгновения наверняка разворачивающаяся на его поиски. И не для того, чтобы поблагодарить за красивое выступление в Колизее. Ему предстоял непрерывный бег по закоулкам мурашника, и он до сих пор не придумал никакого способа, чтобы скрыться от сканеров.

Но он улыбался, так как его вещи были с ним, он был свободен, он был здоров. И он был при деле, что всегда вводило его в состояние небольшой эйфории.

Сканеры. Нет, сканеры не были основной проблемой. Конечно, уйти, если его засекут сканером, будет крайне трудно. Но сперва они должны еще выйти на него, засечь. Больше его волновали сплошные патрули, которые мог выслать мэр во всех направлениях.

Конечно, под самое пристальное внимание боевиков мэра должно было попасть западное направление. Но или сам мэр, или кто-нибудь из его советников мог оказаться достаточно умен (или осторожен?), чтобы разослать небольшие отряды во все стороны.

Дрей прямо на бегу протянул руку назад и наощупь нашарил сверток со шприцами. Пришла пора «барабанной дробы».

Не любил он это дело. Ох, не любил. Дрей прямо на бегу вонзил иглу одного шприца, который он безошибочно выбрал среди остальных, в вену на руке. Все эти временки, расплачиваться за использование которых потом приходилось головными болями, лежанием неделями пластом. И хорошо, если в теплой кровати, – а если под деревом в лесу? Еще можно было просто сдохнуть. Мгновенно – в лучшем случае, помучаться – в вариантах чуть похуже. Или остаться инвалидом, при этом гипотетически бессмертным.

Эта «дробь» была взята, конечно, из очень надежного источника. Как и содержимое остальных шприцов. Более того, «источник» утверждал, что барабаны будут бить не меньше недели. Но риск всегда оставался, – в конце концов, ни один продавец не мог попробовать сам свой товар. Не весь уж точно. А все остальное было только словами.

Были продавцы, которые при клиенте тестировали товар на добровольцах (или не совсем добровольцах), но Дрей с такими дел предпочитал не иметь.

Но перестройка уже началась. Жаловаться и бояться было поздно. Откуда-то всплыл детский стишок:

Барабашка барабан
Был ужасный хулиган.

Даже мир и тишину
Поднимал он на войну.

(Александр Карпенко)

И на лицо Дрея с этим стишком вернулась улыбка. Появилось желание произнести что-нибудь типа «Вы хотели войны?! Будет вам война!»

Впрочем, гемм был достаточно безобиден. Так, обострение трех чувств. Всего ничего. Если только не знать, что все модификаторы, так или иначе влияющие на сенсорику всегда были самыми сложными в изготовлении. И самыми дорогими. А «барабанная дробь» не просто влияла. Она влияла избирательно, причем на зрение, обоняние и слух одновременно.

То есть сам по себе слух вроде как и не обострялся. Но вот если в паре кварталов отсюда раздастся лязг металла (передергивание затвора), топот (противник бежит), учащенное дыхание (противник устал, возбужден), то «барабанная дробь» должна позволить все это услышать. В теории. На практике – сейчас и придется все это попробовать. Главное, чтобы этот барабашка случайно не заставил его загнуться прямо здесь.

В нынешнем послезакатном мире надежных поставщиков не было.

Дрей чуть сбавил шаг и огляделся. Одна из его проблем состояла в том, что из точки, в которой он находился, в то место, куда ему необходимо было попасть, вело не так много путей. Вариант полного отступления и попытку войти в город с запада он даже не рассматривал. Просто замена известных проблем на неизвестные.

Чуть подумав, он по памяти восстановил карты мурашника, которые видел, и, в итоге, выбрал один из возможных путей. Не самый короткий, не самый безопасный. Так, ни то ни се. Почему бы и нет?

Уходить севернее, пару десятков кварталов. Длинная дуга вдоль внутреннего кольца в мурашнике, потом дальше, прочь от центра, от мэра, от смеси экзо и нано. Это совместное проживание двух разошедшихся в развитии видов его и пугало, и завораживало одновременно.

Дрей бежал почти час перед тем, как позволил себе замедлиться. Тут был один неприятный участок, если он правильно помнил карту. Тот же вариант, что и на востоке, когда он попал в западню. Слишком удобное место для засады, и слишком длинный путь придется проделать, если двигаться в обход.

Он прислушивался, принюхивался, всматривался, но пока не чувствовал ничего.

Лишь пыль. Трава. Асфальт. Весь мурашник состоял только из этого. Пыль, бетон и асфальт. У него начинался какой-то приступ, скорее всего вызванный «дробью». А если даже не вызванный, то наверняка усиленный. Он начинал ненавидеть этот город. Вроде был жив-здоров. Вроде свободен. Благодать?!

Но нет. Ему все острее хотелось в лес. На волю. Вырваться из геометрически слишком правильных, но при этом остающихся неестественными конструкций. Вырваться туда, где стихийный рост создавал такую гармонию, какая и не снилась превентивному планированию.

Только фобии Дрею сейчас и не хватало. Свежезаработанной. Утешало лишь то, что он и так не собирался задерживаться в мурашнике дольше необходимого. Но с приступом надо было что-то делать.

«Только бы не загнуться» – еще раз подумал Дрей и остановился, переводя дыхание. Надо было успокоиться. Возможно, полежать чуть-чуть, совсем немного, где-нибудь в тенечке.

Дрей начал вспоминать сквозь затуманенное сознание, что именно говорил ему продавец.

«Среднее время активации. Обычно от получаса до нескольких часов до срабатывания. После этого – активная фаза. Начинается с неприятных ощущений, сказать точнее не могу, проявляться может по-разному. Знай одно – если тебе хреново, значит – начало действовать.

Потом день-другой активная фаза. Потом – пассив, активизация только при выбросе в кровь достаточного количества гормонов, прежде всего адреналина. Но, конечно, чувствительности как в первый раз уже не будет».

«Значит, барабанчики начали стучать», – подумал Дрей. И все-таки прилег. Пусть не в тенечке, и прямо на мусор, валявшийся на асфальте, но сил стоять больше не было. Хорошо хоть, асфальт был теплый.

Немного получше ему стало только через полчаса. Дрей зашевелился, и тут же почувствовал дискомфорт, причем никак не связанный с его состоянием.

Он был не один. Он буквально ощущал дыхание еще двух человек. Разве что не чуял их запах. Ориентироваться с его благоприобретенными способностями пока что удавалось с трудом, но после нескольких небольших экспериментов, поворачивания головы так, чтобы звуки раздавались то в одном, то в другом ухе, он осознал, что немедленной опасности ему не угрожает.

Два человека. Примерно в двух кварталах отсюда. Затаились, ждут, и явно ждут давно – дыхание ровное и спокойное. Его не обнаружили – опять же слишком уж нейтральное дыхание, значит, сканера нет.

Какой-нибудь пост, выставленный на всякий случай? Возможно, даже и не по его душу, а так – внешнее охранение?

Как бы то ни было, они расположились стратегически правильно. Ни обойти, ни объехать. Либо переть напролом через них, либо возвращаться и терять еще полдня на обход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.